

А. В. Бузгалин, А. И. Колганов

**«ПЛАНИРОВАНИЕ В ЭКОНОМИКЕ XXI ВЕКА:
ТВОРЧЕСКИ ИСПОЛЬЗУЯ НАСЛЕДИЕ СССР
(к 100-летию Госплана СССР)»**

ДОКЛАД

на международной научной конференции

«Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем
(к 100-летию Госплана СССР)»

25-26 марта 2021 г.

Москва 2021

Для цитирования:

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование в экономике XXI века: творчески используя наследие СССР (к 100-летию Госплана СССР). Доклад на международной научной конференции «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем (к 100-летию Госплана СССР)», 25-26 марта 2021 г. М., 2021. – 74 с. [электронный ресурс]

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Планирование: феноменология.....	7
1.1. К систематизации видов планирования	7
1.2. Индикативное регулирование: природа, причины развития и упадка	10
1.3. Генезис планирования в СССР: уроки для XXI века	20
2. «Планирование»: компенсация «провалов рынка» или форма пострыночных отношений?.....	26
2.1. В поисках содержания категории «планирование». Предварительные замечания	26
2.2. К проблеме политико-экономической квалификации феномена «планирование»	29
2.3. К вопросу о так называемых «провалах государства» и общенародных интересах	38
3. Планирование: контрапункты возрождения.....	45
3.1. Формирование институтов [селективного] планирования	46
3.2. Ключевая проблема: «выращивание» субъекта [селективного] планирования	54
4. Россия в изменившемся мире: какие задачи может решать [селективное] планирование и какие проблемы стоят на пути его развития	58
4.1. Контексты.....	58
4.2. Формирование отношений планирования в постсоветской России: предпосылки	62
4.3. Планирование в России: что, как и для чего? (вместо заключения)	66
Литература	69

Введение¹

Слово «планирование» в современном общественном сознании часто ассоциируется с советскими пятилетками и деятельностью Госплана. Это и правильно, и неправильно.

Это правильно, ибо сто лет назад в СССР был принят план ГОЭЛРО, а затем началось составление так называемых «Контрольных цифр...» и это был первый в мире опыт макроэкономического (общенационального) индикативного планирования. Напомним, что 22 февраля 1921 года была создана Государственная общеплановая комиссия – прообраз Госплана, который создавался для разработки и реализации единого общегосударственного хозяйственного плана.

Только через много лет этот опыт стал (и в гораздо менее масштабных формах) использоваться наиболее развитыми странами мира, и лишь после Второй мировой войны индикативное планирование стало одним из важнейших инструментов стимулирования промышленного роста в странах Европы, Азии и др.

Более того, на базе индикативного планирования в смешанной экономике эпохи НЭПа (Новой экономической политики, проводившейся в СССР в 1920-х годах и предполагавшей использование регулируемых государством товарно-денежных отношений, не только государственной и кооперативной, но и частной собственности, и др.) выросло народнохозяйственное планирование, ставшее главным механизмом координации в экономике СССР. Это планирование было формой качественно нового, пострыночного способа взаимосвязи производителей и потребителей, формирования и поддержания пропорций, обеспечения технологического и социально-экономического развития, формой того, что в СССР справедливо назвали «планомерностью»².

Эти отношения обеспечивали советской системе, с одной стороны, возможности мобилизации и концентрации ресурсов на ключевых направлениях экономического и социального развития. Так были решены задачи ускоренной индустриализации и создания материально-технической базы, позволившей СССР разгромить армии не только гитлеровской Германии, но и практически всей оккупированной ей или присоединившейся к ней Европы, обеспечить переориентацию производства на нужды войны, восстановить в

¹ Доклад подготовлен для Международной научной конференции «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем» (к 100-летию Госплана СССР)» (25-26 марта 2021 г.). Текст подготовлен на основе раздела авторов в книге «Планирование: перезагрузка» (М.: Культурная революция, 2016), а также статей в журналах «Вопросы экономики» (2016, № 1), «Вопросы политической экономии» (2016, № 1), «Проблемы теории и практики управления» (2016, № 1 и № 7).

² Подробнее об этом см.: Хессин Н.В. Планомерность как экономическая клеточка социализма // Вопросы экономики. 1964. № 6; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985.

кратчайший период экономику после массового ее разрушения в 1941-1945 гг., реализовать космическую, ядерную и иные программы, обеспечить приоритетное развитие науки, образования, культуры и т. п. (заметим: в XX веке и в странах с рыночной экономикой космические и иные проекты реализовывались преимущественно на плановой основе).

С другой стороны, директивное планирование носило во многом бюрократический характер, и это (а также ряд более фундаментальных причин, на которых мы в данном тексте останавливаться не будем) приводило к развитию так называемой «экономики дефицита».

Эти проблемы в СССР стремились решать путем соединения плана и рынка при главенствующей роли первого, что особенно ярко проявилось в годы проведения косыгинской реформы, но это породило другой круг проблем и противоречий. Проблема создания системы планирования, сочетающейся с рынком и эффективной не только с точки зрения создания стратегических технологических, социальных и т. п. прорывов в экстремальных условиях, но и с точки зрения обеспечения сбалансированного, бездефицитного развития всей экономики, включая сферу производства потребительских благ и услуг, в СССР в полной мере так и не была решена. Все это свидетельствует как о высоком потенциале той системы планирования, так и о том, что буквальное копирование этого опыта в условиях принципиально иной социально-экономической системы (не просто рыночной экономики, а позднего капитализма³) невозможно.

Оставляя за пределами данного текста проблему перехода к социализму XXI века, поставим более частный вопрос: о возможностях и путях развития планирования в рамках господствующей в настоящее время в мире и в РФ экономической системы.

Возвращаясь к отмеченной в начале текста дилемме – справедливо или нет отождествление планирования с прежде всего советской системой, – мы можем дополнить «да», с которого мы начали наши размышления, тезисом «нет» – не правомерно отождествление планирования только с экономикой СССР и других стран «реального

³ Категория «поздний капитализм» достаточно широко используется в мировой марксистской и близкой к марксизму литературе (в частности, но не исключительно, в рамках Франкфуртской школы), для характеристики специфических черт капитализма, укрепившихся в XX веке. Авторы, продолжая традиции Эрнеста Мандела и близких к нему ученых (см.: Mandel E. *Late Capitalism*. London: Humanities Press, 1975, Jameson F. *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, Duke University Press, 1991 и др.), определяют поздний капитализм как такой этап в развитии капиталистического способа производства, когда его прогресс (технологическое развитие, экономический рост) требует использования элементов посткапиталистических отношений (сознательное регулирование экономики, бесплатное для потребителя предоставление широкого спектра благ и услуг в таких сферах, как образование, здравоохранение и др., перераспределение части прибыли капитала в пользу наемных работников и социально-незащищенных слоев и мн. др.). Подробнее см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Глобальный капитал. Т. II. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы. «Капитал» re-loaded*. Изд. 5-е. М.: ЛЕНАНД, 2019.

социализма». Не правомерно, т. к. *в экономике позднего капитализма вот уже более полувека широко используются некоторые формы планирования* – прогнозирование и согласованное с ним селективное регулирование экономических пропорций, составляются и реализуются значимые государственные программы, значительные (объемами в десятки и даже сотни млрд. долл.) проекты производства общественных благ осуществлялись и осуществляются на основе государственных инвестиционных программ. По этому пути вот уже более полувека развиваются многие сферы здравоохранения, образования, науки, культуры, обороны, деятельность по рекреации природы и общества. Вопрос, следовательно, должен быть переведен в несколько иную плоскость: *а может ли эта практика быть названа планированием?* И если да, то будет ли это просто новым именем для регулируемой рыночной экономики или чем-то новым по существу и практически актуальным?

Все эти проблемы можно было бы считать плодом ностальгии авторов по временам, когда они писали свои докторские диссертации, если бы не «пустяк»: мировой экономический кризис, переросший в большинстве развитых стран в фазу скорее депрессии, чем развития, а также очевидно депрессионная ситуация в отечественной экономике, – все это недвусмысленно ставит вопрос о *необходимости качественных изменений в экономической политике и, далее, институтах, и, еще далее, системе социально-экономических отношений.*

Так не пора ли вспомнить о планировании?

1. Планирование: феноменология

1.1. К систематизации видов планирования

Простейшая систематизация феноменов, которые мы можем без больших натяжек ассоциировать с понятием «планирование», может быть построена на основе известного системно-генетического метода¹, позволяющего отразить реальный процесс генезиса и развития некоторого феномена в системе категорий, разворачивающихся от абстрактного к конкретному.

Но этому процессу, как известно, должно предшествовать позитивное выделение хотя бы некоторых основных феноменов, которые потенциально могут принадлежать к данному категориальному полю. В данном случае речь идёт о том, чтобы начать с простого перечисления тех реальных практик, которые принято обозначать словом «планирование».

С этим все не так уж сложно. Сегодня планированием (ограничим наш анализ уровнем *национальных экономических систем*, не обращая ни к международным проектам, ни к практикам внутрифирменного и транснационального планирования) принято называть многие существенно различающиеся феномены. Если ранжировать по такому критерию, как мера ограничения рыночного саморегулирования, то можно будет выделить как минимум следующие подмножества *практик* планирования².

Во-первых, социально-экономические *прогнозы*. Они минимально воздействуют на рыночные параметры, лишь несколько ориентируя акторов экономики в возможных направлениях эволюции основных параметров национального хозяйства. Прогнозы разрабатываются почти во всех развитых (и не только) экономиках уже более полувека. В России недавно прошедшая волна скандально-сенсационного интереса к новому закону о планировании³ была связана именно с этим феноменом: правительство обязывают

¹ В наиболее сконцентрированном виде его характеристика дана в статье: Хессин Н.В. Об историко-генетическом подходе к исследованию системы производственных отношений социализма // Экономические науки. 1975. № 6. Эта работа, в свою очередь опирается на широкий круг исследований в области диалектической логики советских марксистов-«шестидесятников», прежде всего Э.В. Ильенкова. См.: Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Издательство АН СССР, 1960; Ильенков Э. В. Диалектическая логика. (1-е изд. - М., 1974; 2-е изд. - М., 1984).

² Подчеркнём ещё раз: здесь и ниже авторы рассматривают только практики планирования в экономической сфере и на национальном уровне, не вторгаясь ни в сферы теории разработки программ, ни в область планирования технических и т. п. проектов, ни в сферы внутрифирменного планирования...

³ Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/. Газета «Известия» отреагировала на этот абсолютно нейтральный документ, предполагающий исключительно некоторое упорядочивание прогнозирования, статьёй с броским, но абсолютно

разрабатывать прогнозы развития экономики, что, впрочем, оно делало и ранее (вспомним хотя бы печально известную своей несбыточностью «Программу 2020»).

Продолжением традиций прогнозирования можно считать практики разного рода *форсайтов*¹. Если оставить в стороне частое использование этого слова для придания модной коннотации хорошо известным старым феноменам (тем же прогнозам, научно-техническим, образовательным и т. п. программам и просто посвящённым видению будущего текстам), то для нас форсайт будет интересен прежде всего тем, что он делает акцент не на предсказание будущего, а на его «строительство», ориентирован на широкое использование «человеческого фактора» (широко применяются экспертные оценки) и открыт не только для специалистов, но и для широкого круга представителей общества и власти².

Во-вторых, государственные *индикативные планы*. Они не носят директивного характера, ограничиваясь, во-первых, установлением некоторых целевых ориентиров (индикаторов) и, во-вторых, системой средств их реализации. Последнее, однако, предполагает некоторое общественное вмешательство в процесс рыночного саморегулирования, ибо цели индикативных планов подкрепляются системой методов селективного регулирования экономики³.

Сходную (с политико-экономической точки зрения) с индикативными планами природу имеют и государственные *программы* социально-экономического развития тех или иных сфер национальной экономики. Программы в ряде случаев можно рассматривать как

неадекватным названием: «В России вводятся плановые «пятилетки» (Известия, 02.07.2014. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/573185>).

¹ Приведём одно из типичных определений Форсайта, данное Беном Мартином и приводимое А. Соколовым: это «систематические попытки оценить долгосрочные перспективы науки, технологий, экономики и общества, чтобы определить стратегические направления исследований и новые технологии, способные принести наибольшие социально-экономические блага» (Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 10).

² См.: Кинэн М. Форсайт приходит в Россию // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 6–7.

³ Следует отметить и такую роль индикативного планирования, как снижение неопределённости рыночной среды для частного сектора: информация индикативных планов, составляемых государством, является для частного бизнеса главным источником представлений о долгосрочных перспективах экономики. Индикативные планы задают основные направления государственных расходов, что позволяет руководителям частных предприятий формировать ожидания относительно состояния внешней среды. И хотя индикативное планирование, в отличие от директивного, не предполагает преимуществ государства перед частным сектором в обработке и сборе информации, оно позволяет прогнозировать количественные параметры макроэкономической среды совместно с частным бизнесом. Подробнее см.: Moriguchi Ch. Japan's Recent Experiences of Quantitative Economic Planning // *Revue économique*, Vol. 31, No. 5, Le VIIIème plan (Sep., 1980), pp. 853-856. Снижение неопределённости посредством предоставления информации экономическим агентам называет сущностной задачей планирования и S.S. Cohen (см.: Cohen S.S. *Modern Capitalist Planning: The French Model*. Berkeley: University of California Press, 1977). Анализу теоретических основ индикативного планирования посвящена работа: Black J. *The Theory of Indicative Planning* // *Oxford Economic Papers*, New Series. 1968. Vol. 20, No. 3. P. 303-319.

подвиды индикативных планов. В иных случаях, наоборот, программа может включать в себя как индикативный план, так и некоторые прямые меры государственного управления. Один из примеров «программ» в России – так называемые «приоритетные национальные проекты», курс на реализацию которых был объявлен в выступлении Президента 5 сентября 2005 г., лишь частично реализованные к настоящему времени; в развитых странах есть гораздо более успешные примеры программ развития наиболее значимых сфер – образования, здравоохранения и т. п.

В-третьих, с середины XX века планирование стало широко используемым именем для обозначения системного качества экономической системы «реального социализма» («*плановая экономика*»), что вполне объяснимо: эта экономика, действительно, была плановой¹. В рамках этой модели и теоретически, и практически планирование выступало как основной способ координации, в основном вытеснивший рыночное саморегулирование. В экономике «реального социализма», напомним, планирование было *директивным*, но не только: и прогнозы, и косвенные регуляторы, и программы – весь этот комплекс институтов присутствовал в советской экономике и экономике большинства других стран, принадлежавших к Мировой социалистической системе.

Для нашего исследования наибольший интерес представляют (1) *индикативное планирование* как переходное отношение, противоречиво соединяющее отношения непосредственно-общественного регулирования и саморегулирования экономики, обеспечивая косвенное воздействие и частичное ограничение рынка и (2) *планирование* как форма отношений координации, вытесняющих рыночное саморегулирование, и его генезис в смешанной экономике СССР периода НЭПа. Причины обращения именно к этим феноменам проста: в обоих случаях это были практики активного развития системы планового воздействия на рыночную в своей основе экономику, а именно такая хозяйственная система является в данном тексте предметом нашего исследования.

Более того, в обоих случаях с *чисто экономической точки зрения* задачи, которые предполагалось решать с помощью планирования, были *схожи*: в исторически краткий период (20-25 лет) провести коренную структурную перестройку экономики, обеспечив преодоление существенного (на 1-2 технологических уклада, на 500-1 000 % ВВП на душу населения) отставания национальной хозяйственной системы от наиболее развитых стран.

Существенно, что с социально-политической точки зрения эти практики были принципиально различны.

¹ См.: Курс политической экономии. В 2-х томах. Т. I. Досоциалистические способы производства / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.: Экономика, 1973; Хессин Н.В. Понятие «клеточка» и его методологическое значение // Вопросы экономики. 1964. № 7.

Смешанная экономика СССР развивалась в рамках стратегии превращения России нэповской в Россию социалистическую при жёстком ограничении власти и доходов капитала с перераспределением их в пользу общенационального развития под контролем бюрократии, тогда ещё во многом представлявшей интересы трудящегося большинства населения.

Социальная природа экономик «позднего капитализма» была существенно иной, хотя задачи, которые они решали при помощи индикативного планирования, и его механизмы были, повторим, сходны.

Рассмотрим подробнее оба исторических феномена.

1.2. Индикативное регулирование: природа, причины развития и упадка

Начнём с примера едва ли не наиболее развитого индикативного планирования – послевоенной Франции. Эта страна, ведомая де Голлем, оставаясь империалистической державой, вышла из НАТО, начала (под воздействием антиколониальных революций и внутренних противоречий) процесс деколонизации, имела сильные левые партии и все это время в целом была страной с демократической политической системой и сильными социальными ограничениями рынка и капитала. Этот опыт интересен тем, что показывает потенциальную возможность соединения планирования с (1) политической демократией и (2) социально-ориентированным модернизационным рывком.

Напомним, что в период 1950-х-1970-х годов в этой стране было реализовано 11 пятилетних планов. План во Франции утверждается президентом Республики, премьер-министром, министром экономики и финансов, министром труда, а затем – Парламентом. *Пятилетний план имеет силу государственного закона*, но не является, тем не менее, директивой. Для достижения поставленных целей государство, как мы уже отметили, использует комплекс экономических стимулов, создающих особые «правила игры» (мы их обозначим как *институты селективного регулирования*).

Особо выделим один из них – предоставление специальных премий, кредитов и гарантий при размещении займов, а также снижение ставки процента по кредитам частным производителям, деятельность которых соответствует плановым рекомендациям, из специально созданного Фонда экономического и социального развития. Другим побудительным мотивом следовать плановым рекомендациям стали налоговые привилегии. Кроме того, фискальные привилегии предоставляются на основе так называемых «квази-контрактов», представляющих собой письменное обязательство частных производителей выполнять плановые рекомендации. В них определялась общая

ориентация данного предпринимателя на расширение своего производства и подтверждалось согласие производить определённую номенклатуру продукции¹.

Кроме того, эти планы предполагали некоторые «правила игры» (институты) для государственного сектора: объёмы и направления государственных инвестиций, закупок и др.². Последнее существенно, ибо предполагает формирование в национальной экономической системе подпространства, функционирующего и развивающегося (напомним, основная задача планов – структурная перестройка и модернизация экономики) не только по рыночным критериям и под воздействием не только рыночных регуляторов.

Во многом аналогичным образом была построена система планирования в ряде скандинавских стран.

В Японии³ к мерам обеспечения эффективности индикативного планирования относятся не только количественные (через денежную и налоговую политику), но и *качественные механизмы влияния государства на частный бизнес*; готовность большей части бизнеса следовать целям, установленным планом (что обеспечивается избранием правительства и учётом долгосрочных интересов бизнеса в осуществляемой экономической политике), а также существенными и значимыми для японского бизнеса этическими нормами. При этом, однако, многие показатели планов в Японии имели прогнозный характер (темпы роста экономики, инфляция, безработица и др.), являясь не целями, а прогнозами. Прямое воздействие правительство могло оказывать только на государственные расходы и налоги⁴.

¹ Подробнее см.: Андриюшкевич О.А. Индикативное планирование в экономиках разного типа // Капитал страны: федеральное интернет-издание. 23.01.2012. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/199716/>; Морозова Н.И. Индикативное планирование: теоретический и практический опыт развитых стран // Управление экономическими системами. 2011. № 4. Режим доступа: <http://www.uecs.ru/uecs-28-282011/item/402-2011-04-25-08-47-52>.

² Подробнее об особенностях индикативного планирования во Франции см.: Rosser J. B., Rosser M. V. Whither indicative planning, the case of France // Comparative Economics in a Transforming World Economy. 2004. P. 179-201; Cazes B. Indicative Planning in France // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 607-619; Estrin, Saul, and Peter Holmes. French Planning in Theory and Practice. London, 1983; Cohen S. S. Modern Capitalist Planning: The French Model. Berkeley: University of California Press, 1977.

³ См.: Хлынов В. Общегосударственное планирование рыночной экономики: опыт Японии // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 8; Тимонина И.Л. Долгосрочная экономическая стратегия Японии и интеграционные процессы в Восточной Азии // Российский японоведческий журнал. 2011. № 2. Систематический анализ опыта планирования в Японии и названных источников представлен в упомянутой выше работе О.А. Андриюшкевич. Подробнее об особенностях инструментов индикативного планирования в Японии см. также: Sato K. Indicative Planning in Japan // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14, No. 4., p. 635-641.

⁴ См.: Sato K. Indicative Planning in Japan // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14, No.4. Pp. 626, 628.

Относимое большинством исследователей также к азиатской модели планирование в Южной Корее отличалось, однако, от японской большей жёсткостью¹.

Существенно, что азиатская модель планирования вообще была реализована в принципиально других условиях, чем модель планирования во Франции и скандинавских странах. Так, в Японии индикативное планирование развивалось в стране, потерпевшей сокрушительное поражение во Второй мировой войне и сочетавшей черты развитой и периферийной экономики, традиционно-полуфеодального и демократически-буржуазного общества. В Южной Корее технико-производственные и социально-политические параметры были существенно иными, чем у Франции или даже Японии (напомним, тогда Южная Корея была страной периферийного, зависимого от США капитализма с очень жёстким авторитарным режимом), однако и там индикативное планирование использовалось как один из важных механизмов модернизации.

Хорошо известно также, что планирование использовалось и используется в ряде стран Латинской Америки и других регионов Третьего мира².

Примечательно, что при всех существенных различиях названных экономик институты планирования как такового в этих системах были весьма схожи и, нарочито повторим, использовались для достижения во многом аналогичных (а именно, *модернизационных*) целей.

Будем честны: ряд исследователей проявляют осторожность в оценках величины вклада индикативного планирования в экономический рост, обращая внимание на то, что невозможно сопоставить итоги развития страны в случае осуществления планирования и в случае его отсутствия, усложняет оценку подлинного вклада планирования и нарушение условия *ceteris paribus* («при прочих равных условиях»)³. Но эта осторожность должна быть применена и к оценкам эффективности мер по либерализации экономической политики и т. п. Сравнительное же исследование стран, использовавших для модернизации методы планирования и стран, реализовавших неолиберальные рецепты, не входит в задачу данного текста (ранее мы посвятили этому ряд статей и большую книгу⁴) и здесь

¹ Подробнее см.: Шипаев В.И. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986; Kuznets P. Indicative planning in Korea // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 657-676.

² Опыт индикативного планирования в развивающихся странах анализируется в работе: Balassa B. Indicative planning in developing countries // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 560-574.

³ Подробнее об аргументах сторонников осторожных оценок вклада планирования в экономический рост Франции см. в: Kindleberger Ch. P. French Planning. NBER, 1965.

⁴ См.: Колганов А.И., Бузгалин А.В. Экономическая компаративистика. М.: Проспект, 2020 (1-е изд. – М., 2005); Сравнительный анализ экономических систем: Россия, США и Финляндия

ограничимся лишь некоторыми краткими данными о результатах развития ряда стран в то время, когда они относительно широко использовали элементы планирования.

Таблица 1 - Динамика ВВП Франции в 1947-1997 гг.¹

Годы	Среднегодовые темпы роста ВВП, %	
	План	Факт
1947-1953	-	7,1
1954-1957	4,4	5,4
1958-1961	5,5	5,8
1962-1965	5,5	5,8
1966-1970	5,7	5,9
1971-1975	5,9	3,7
1976-1980	5,7	3,3
1981-1984	2,7-3,2	1,4
1985-1988	1,6-2,2	2,8
1989-1992	-	2,2
1993-1997	1,8-2,8	1,5

Источник: Gregory R. Comparative Economics System in the twenty-first Century. 7th Edition. South-Western College Publications, 2003. p. 358. Приводится по: Indicative planning in France / By Richard Leo, Tishana Narine, Suraiya Ramkisson and Alex Defreitas. The University of Guyana, Turkeyen Campus, 2012. Режим доступа:

https://www.academia.edu/3611442/Final_Paper_on_Indicative_Planning_done_by_myself_Richard_Leo_Suraiya_Ramkisson_Tishana_Narine_and_Alex_Defreitas.

Таблица 2 – Динамика ВВП Франции в 1951-1996 гг. в сравнении со странами ОЭСР

Годы	Среднегодовые темпы роста ВВП, %	
	Франция	ОЭСР
1951-1960	4,8	4,2
1961-1970	5,5	5,1
1971-1980	4,0	3,2
1981-1990	2,4	2,8
1991-1996	1,2	2,0

Источник: Gregory R. Comparative Economics System in the twenty-first Century. 7th Edition. South-Western College Publications, 2003. p. 354. Приводится по: Indicative planning in France / By Richard Leo, Tishana Narine, Suraiya Ramkisson and Alex Defreitas. The University of Guyana, Turkeyen Campus, 2012. Режим доступа:

в зеркале социально-экономической статистики / Под редакцией А.В. Бузгалина и А.Ю. Низовцева. М., 2014.

¹ Данные приводятся по периодам в соответствии с одиннадцатью планами, реализованными во Франции в 1947-1997 гг.

Таблица 3 – Динамика ВВП Японии в 1956-1996 гг.¹

Годы	Среднегодовые темпы роста ВВП, %	
	План	Факт
1956-1960	5,0	8,7
1958-1962	6,5	9,9
1961-1970	7,2	10,7
1964-1968	8,1	10,6
1967-1971	8,2	10,2
1970-1975	10,6	5,9
1973-1978	9,4	4,2
1976-1980	6,0	5,7
1979-1985	5,7	5,2
1983-1990	4,0	3,8
1988-1992	3,7	4,8
1992-1996	3,5	0,1

Источник: Хлынов В. Общегосударственное планирование рыночной экономики: опыт Японии// Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 8. Приводится по: Андриюшкевич О.А. Индикативное планирование в экономиках разного типа // Капитал страны: федеральное интернет-издание. 23.01.2012. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/199716/>

Таблица 4 – Динамика ВВП Японии в 1960-1989 гг.

Годы	Среднегодовые темпы роста ВВП, %
1960-1970	10,5
1970-1976	5,3
1980-1989	4,0
1965-1980	6,6

Составлено по: World Development Report, 1979. The World Bank. Table 2, p. 129; World Development Report, 1991. The World Bank. Table 2, p. 207.

¹ Данные приводятся по периодам, соответствующим двенадцати планам, реализованным в Японии в 1956-1996 гг.

Таблица 5 – Динамика ВВП на душу населения в Японии в сравнении со странами ОЭСР в 1885-1990 гг. (среднегодовые темпы прироста, %)

Годы	Япония	ОЭСР*
1885-1913	2,7	2,6
1913-1937	3,7	1,6
1937-1952	0,7	2,1
1952-1973	9,0	4,0
1973-1990	3,9	2,5

* Исключая Японию

Адаптировано по: Boltho A. Was Japanese Growth Export-Led? // Oxford Economic Papers, New Series, Vol. 48, No. 3 (Jul., 1996), p. 416.

Таблица 6 – Сокращение различий в ВВП на душу населения между Японией и США в 1950-1992 гг. (в долл. США по ППС в ценах 1990 г.)

Годы	Япония	США	В % от уровня США (США=100%)
1950	1921	9561	4,9
1975	11344	16284	69,7
1992	19482	23298	83,6

Составлено по: Maddison A. Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD. Режим доступа:

http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_02-2010.xls. (Дата обращения: 08.04.2015 г.).

Таблица 7 - Динамика ВНП в Южной Корее в 1962-1986 гг.¹

Годы	Среднегодовые темпы роста ВНП, %	
	План	Факт
1962-1966	7,1	9,3
1967-1971	7,0	10,5
1972-1976	8,6	11,2
1977-1981	9,2	4,3
1982-1986	7,6	10,4

Адаптировано по: Kuznets P. Indicative planning in Korea // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 670.

¹ Данные приводятся по периодам, соответствующим первым пяти планам, реализованным в Южной Корее в 1962-1986 гг. В дополнение к данным таблицы отметим, что если в 1960-е гг. по ВВП на душу населения Южная Корея находилась в одном ряду с беднейшими странами Африки и Азии, то в 2004 г. страна вошла в группу стран, чей ВВП превышает 1 трлн. долларов, и в 2014 г. находилась по показателю ВВП по ППС (\$1,786 трлн. долл. США в ценах 2014 г.) на 14-м месте в мире (более подробные статистические данные см.: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ks.html>).

Таблица 8 – Динамика ВВП Финляндии в 2001-2013 гг.

(в евро, в постоянных ценах 2000 года)

Годы	Темпы прироста ВВП относительно предыдущего года, %
2001	2,3 %
2002	1,8 %
2003	2,0 %
2004	4,1 %
2005	2,9 %
2006	4,4 %
2007	5,3 %
2008	0,3 %
2009	-8,5 %
2010	3,4 %
2011	2,8 %
2012	-1,0 %
2013	-1,4 %

Источник: Национальная статистическая служба Финляндии. Режим доступа: http://www.tilastokeskus.fi/til/vtp/2013/vtp_2013_2014-03-03_tau_001_en.html. Приводится по: Сравнительный анализ экономических систем: Россия, США и Финляндия в зеркале социально-экономической статистики / Под редакцией А.В. Бузгалина и А.Ю. Низовцева. М., 2014. С. 78.

Таблица 9 – Динамика Индекса человеческого развития (ИЧР)¹ в странах, применявших методы индикативного планирования²

Страна	Значение ИЧР				Ранг по ИЧР		Средне-годовые темпы прироста ИЧР		Изменение ранга по ИЧР
	1980	1990	2000	2010	2010	2013	1980-2010	2000-2010	
Япония	0,768	0,814	0,855	0,884	11	17	0,47	0,33	+1
Республика Корея (Южная Корея)	0,616	0,725	0,815	0,877	12	15	1,18	0,74	+8
Франция	0,711	0,766	0,834	0,872	14	20	0,68	0,45	+5
Финляндия	0,745	0,782	0,825	0,871	16	24	0,52	0,54	-2

Составлено по: Human Development Report 2010. 20th Anniversary Edition The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development. United Nations Development Programme (UNDP). New York, 2010. Table 2, p. 148; Human Development Report 2014. Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerability and Building Resilience. United Nations Development Programme (UNDP). New York, 2014. Table 2, p.164.

Приведённые данные свидетельствуют о хороших результатах использования плановых методов. Однако мы не забываем и о том, что в дальнейшем эти страны несколько уменьшили планификационную активность. Поэтому ограничимся констатацией лишь следующего тезиса: *успешное решение модернизационных задач на определённом этапе развития в таких странах, как Франции, Япония и ряд других было обеспечено в рамках экономической политики, в которой индикативное планирование занимало важное место.*

¹ Human development index, HDI.

² Индекс человеческого развития рассчитывается ООН с 1980 г. (отчеты о человеческого развитии публикуются с 1990 г.), поэтому данные в таблице также приводятся, начиная с 1980 г., хотя в Японии, Франции и Южной Кореи методы индикативного планирования начали применяться значительно раньше 1980 г.

Эти ремарки позволяют предположить: несмотря на существенно различающиеся предпосылки, задачи возрождения национальной экономической системы и догоняющего развития можно решать *и*¹ при помощи индикативного планирования.

Здесь, однако, в полный рост встают как минимум два вопроса.

Во-первых, почему этот опыт завершился отказом от широкого использования методов косвенного регулирования и индикативного планирования.

И, во-вторых, может ли вообще быть применён опыт полувековой давности в новых условиях – условиях глобализации, информатизации и т. п.²

Итак, вопрос номер один: *почему капиталистические страны отказались от широкого использования индикативного планирования и селективного регулирования?*

Прежде чем дать на него ответ, заметим: отказа как такового не произошло: и Франция, и скандинавские страны, а также такие как Китай, Индия, ряд государств Латиноамериканского континента по-прежнему используют названные выше механизмы. Другое дело, что в большинстве случаев использоваться они стали в меньших масштабах и под другими именами. Впрочем, в той же Западной Европе крупные проекты в таких сферах как образование, наука, экология, инфраструктура реализуются при помощи индикативных планов и программ, только более децентрализованных и шире использующих потенциал регионов и институтов гражданского общества (к последнему, принципиально важному тренду, мы ещё вернёмся).

И все же некоторый откат в использовании и плановых механизмов, и термина «планирование» налицо.

Причина последнего понятна и проста: если в 1960-е планирование было категорией, ассоциировавшейся с программами освоения атомной энергии, космоса и т. п., то с 1990-х оно стало ассоциироваться с «экономикой дефицита» и распадом «Мировой социалистической системы».

Причина первого – сокращения масштабов использования плановых методов – сложнее, но и она довольно прозрачна. В условиях позднего капитализма экономическую

¹ Авторы специально выделили это «и»: мы в данном тексте не рассматриваем вопрос о том, возможно ли решать эти задачи без помощи механизмов индикативного планирования и косвенного регулирования. Наша задача, напомним, гораздо уже: исследовать политико-экономическую природу планирования и указать на возможность использования этой формы в постсоветской России.

² Несколько забегаая вперед, заметим, что, например, авторы работы «Государство после этатизма: новые формы деятельности государства в эпоху либерализации» (The state after statism: New state activities in the age of liberalization / J. Levy (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006) также подчеркивают, что такие явления, как глобализация и развитие новых технологий, не приводят к отмене необходимости государственного регулирования, а создают новые запросы и возможности для участия государства в экономике.

стратегию в конечном итоге определяют интересы корпоративного капитала, ищущего ту или иную форму компромисса с большинством населения и государственной бюрократией. В исторических условиях резкого отставания национальной экономики определённая часть крупного национального капитала заинтересована в ускоренной модернизации, импульс которой позволяет к тому же консолидировать интересы *такого* капитала, *большой* части населения и государственного аппарата. Эта консолидация может принимать формы демократического консенсуса или авторитарного режима, но она «работает». По завершении модернизационного рывка национальный капитал обретает достаточный потенциал для того, чтобы выйти «на равных» в конкурентную глобальную среду. В результате он стремится отказаться от государственных ограничений, которые в рамках модернизационной стратегии заставляли капитал делиться (властью, прибылями...) то ли с государственной бюрократией, концентрирующей ресурсы в отраслях прорыва, то ли с населением (с целью радикального повышения качества жизни и формирования «среднего класса»), то ли с теми и другими. С этого момента вопрос об использовании такой формы как планирование переходит в плоскость «кто – кого»: бюрократия (возможно, в блоке с большинством населения) или капитал.

В Европе, Японии, Южной Корее и т. п. в 1990-е выиграл капитал. Впрочем, в странах с сильным гражданским обществом и значимым левым политическим флангом выигрыш на деле оказался гораздо меньше, чем на словах: торжество идеологии неолиберализма в риторике большинства экономистов-теоретиков в глобальном идейном пространстве в той же Франции вполне уживается с сохранением высокой роли государственных регулирующих мер (не говоря уже о Финляндии, где все последние годы осуществляется среднесрочное планирование).

Вернёмся в отечественные палестины. Учитывая, что опыт планирования в СССР был едва ли не самым богатым по набору форм и глубине противоречий, обеспечив, с одной стороны, развитие одной из двух мировых систем на протяжении семи десятилетий, а с другой – оказавшись одной из причин формирования экономики дефицита¹, которая в конечном счёте ушла в прошлое вместе с этой системой планирования почти во всех странах, где она существовала, – учитывая все это, нам представляется немаловажным коротко суммировать основные противоречия *той* системы планирования.

¹ См.: Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

1.3. Генезис планирования в СССР: уроки для XXI века

Учитывая, что этот феномен более полувека был предметом самого пристального внимания, мы в данном случае можем перейти от эмпирически очевидного перечня некоторых феноменов, попадающих в категориальное поле «планирование», к историко-логическому контрапункту генезиса и развития формы планомерности. Последнее сделать тем легче, что 30 лет назад авторы уже предприняли такое исследование, показав противоречия этого генезиса, обусловившие как немалые позитивные достижения, так и бюрократические мутации этого нового способа координации и его финальное вырождение¹.

Взяв в качестве исторического прообраза плановую систему СССР как наиболее развитый и контрастный пример планирования, начнём с простого напоминания фактов.

Во-первых, директивное планирование в СССР *возникло отнюдь не сразу*, а лишь в конце 1920-х гг.

Во-вторых, оно никогда *не было «планированием из единого центра всех видов продукции»*. Этот миф был создан советологами (в первую очередь такими как Хайек, Мизес и их последователи) более полувека назад для удобства критики: такая химера, действительно, не могла существовать. В реальности директивное планирование в его развитой форме было системой иерархического руководства экономическими процессами, охватывавшей на каждом уровне оптимизационными межотраслевыми моделями от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч параметров, причём не только по номенклатуре, но и в агрегированных стоимостных показателях.

В-третьих, централизованное планирование всегда сочеталось с определённой мерой *самостоятельности хозяйственных звеньев*². Кроме того, жёсткость этой системы парировалась, с одной стороны, системой товарно-денежных отношений (в частности, хозрасчётом предприятий³), а с другой – встроенными механизмами ведомственности,

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985; Бузгалин А.В. Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

² Теория самостоятельности предприятий и их горизонтальных договорах как продолжении планирования была развита в работах Н.В. Хессина (упоминаются ниже) и авторов этого текста.

³ Об этом активно писали советские учёные более полувека назад, хотя ныне многие критики плановой экономической системы «забывают» этот важный аспект (см.: Дзарасов С.С. Роль прибыли в совершенствовании управления производством. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965; Дзарасов С.С. Экономические методы управления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969; Абалкин Л.И., Штыбер В., Надь Т. Хозяйственный расчёт в социалистической экономике: Из опыта стран СЭВ. М.: Мысль, 1976; Полный хозяйственный расчёт: теория, практика, проблемы / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: Экономика, 1989; Хозрасчёт, самофинансирование, самоуправление / Под ред. П. Г. Бунича. М.: Экономика, 1989).

местничества, блата и «ручного управления» (термин нынешней поры, к нему мы ещё вернёмся) со стороны партийно-государственного руководства.

Наконец, важно иметь в виду и *противоречивость результатов советского планирования*. К числу негативных в первую очередь следует отнести всесторонний дефицит (причём не только потребительских благ и услуг, но и многих средств производства) и итоговое вырождение, способствовавшее коллапсу всей системы «реального социализма». К числу позитивных – способность обеспечивать решение долгосрочных стратегических программ (напомним: это не только оборона и космос, но и создание современной системы образования, фундаментальной науки и т. п.).

А теперь собственно *система форм в их историко-логической связи*¹.

Исходной формой прото-планирования в истории СССР стал всеобщий учёт и контроль, о чем принято «забывать». Между тем за этой крайне противоречивой исторической формой скрыта теоретическая закономерность: что бы мы ни понимали под планированием, оно должно опираться на достоверную информационную базу, *открытость и прозрачность всех звеньев экономической системы*. Выражаясь современным языком – транспарентность всех форм экономической жизнедеятельности (к проблеме [не] возможности планирования частного производства мы ещё вернёмся). Опыт СССР (во многом негативный), с одной стороны, и скандинавских стран – с другой, показывает, что эта предпосылка «работает» только при условии развитой демократии и массового включения в экономический процесс институтов гражданского общества (профсоюзов, союзов потребителей, экологических организаций, органов местного самоуправления, производственных советов предприятий и т. п.).

Снятием противоречий этой простейшей формы стала в СССР (абстрагируясь от периода Гражданской войны) созданная в 1920-е гг. *система селективного косвенного регулирования экономики, прогнозирования и даже программирования* (план ГОЭЛРО).

Подчеркнём: система регулирования в смешанной экономике СССР эпохи Новой экономической политики (1922-1927 гг.) по своей социально-экономической форме была прообразом системы, сложившейся на десятилетие позднее в рамках «Нового курса» Рузвельта и на четверть века позднее в рамках социал-демократических моделей в Европейских (и в особенности в Скандинавских) странах.

¹ Подробнее о диалектике исторического и логического в становлении и развитии противоречий планомерности см. в работах авторов 1980-х годов (см.: Бuzгалин А., Колганов А., Шухтин А. Становление планомерной организации социалистического производства. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1985) и книге А.И. Колганова «Путь к социализму: трагедия и подвиг» (М.: Экономика, 1990).

Другое дело, что эта модель была именно прообразом. Она несла на себе мощный отпечаток первых экспериментов, проводившихся в стране, только выходявшей из двух кровопролитнейших и чудовищно разрушительных войн (Первой мировой войны 1914-1918 гг. и Гражданской войны 1918-1922/24 гг.), в стране с разрушенной промышленной базой, массовым голодом, потерей профессиональных кадров и т. д. Поэтому по качеству материально-технической базы тогдашняя экономика СССР была крайне далека от европейских систем 1950-70-х гг. Существенно она отличалась и по политическому устройству. Однако, намеренно повторим, в том, что касается системы выстраивавшихся тогда отношений координации, *СССР 1920-х гг. во многом предвосхитил будущие североамериканские и западноевропейские модели планирования и регулирования смешанной экономики.*

Напомним, советские практики 1920-х включали:

- кратко- и долгосрочные **прогнозы** развития народного хозяйства;
- **индикативные параметры ожидаемого развития** («контрольные цифры») для важнейших предприятий государственного сектора, конкурировавшего тогда с частным;
- **программы** экономического развития важнейших сфер, главными из которых были программа качественного повышения культурного уровня населения («культурная революция») и программа технологического прорыва в ключевой в то время сфере производства – энергетике (план электрификации – ГОЭЛРО).
- **систему отношений селективного регулирования** государственного и частного секторов при помощи дифференцированных налогов, кредитов, государственных закупок, инвестиций и др. (то, что в настоящее время принято называть промышленной политикой).

В экономической теории эта практика также вызвала существенные подвижки. В работах советских учёных и хозяйственников того периода сложились основы теоретической модели косвенного регулирования, прогнозирования и программирования на народнохозяйственном уровне¹.

¹ Следует отметить большую роль в развитии методов планирования и программирования первого председателя Госплана СССР (1921-1930) академика Г.М. Кржижановского (см.: Кржижановский Г.М. Товарооборот и плановая работа. М., 1924; Кржижановский, Г.М. К теории и практике планирования народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1925. № 3). Также значительный вклад в разработку перспективных народнохозяйственных планов внёс один из крупнейших советских экономистов С.Г. Струмилин (см.: Струмилин С.Г. К теории планирования // Плановое хозяйство. 1928. № 11; Струмилин С.Г. На плановом фронте // Струмилин С.Г. Избран. соч. в 5 т. Т. 2. М.: Наука, 1963). Подробнее о дискуссиях по проблемам планирования в 1920-х гг. см.: Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Статьи и современный комментарий / Сост. Э.Б.

Эти теория и практика возникли, естественно, не на пустом месте: практики регулирования экономики в период Первой мировой войны в Европе, США, Российской империи дали немало и экономической теории. В свою очередь, советские практики 1920-х гг. и теоретические разработки советских учёных того периода, как мы уже заметили, во многом предвосхитили модели регулирования, появившиеся на Западе в период Великой депрессии 1929-1933 гг. и ряд последующих работ по проблемам планирования¹.

Вопрос о природе этих отношений и их возможном генетическом единстве с отношениями планирования мы рассмотрим ниже, а сейчас вернёмся к теме контрапунктов советского опыта рождения и развития планирования. Хорошо известно, что в этой области на смену косвенным регуляторам и индикативным планам периода НЭПа пришли т. н. «сталинские пятилетки».

С политико-экономической точки зрения эти изменения можно считать принципиально значимыми: главные пропорции и характер эволюции советской экономики с этого момента стали во все большей степени определяться не рыночным

Корицкий. Л.: Лениздат, 1989. Обобщение этого опыта см. в книге: Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М.: Экономика, 1990.

Основательный анализ достижений советской школы планирования и аргументы в пользу актуальности этого опыта для современного этапа развития представлены также в работе: Посель-Коновалова И. Возрождение планирования в контексте глобализации // Мировая экономика на пороге нового тысячелетия: доклады участников международной научно-практической конференции / Санкт-Петербургский государственный университет (1 марта 2003 г.) / Под ред. С.Ф. Сутырина и Н.П. Кузнецовой. СПб.: ОЦЭиМ, 2003. С. 84-97.

¹ Позволим себе существенное пояснение. На наш взгляд, было бы большой натяжкой считать, что все эти работы оказали сколько-нибудь значимое влияние на формирование, например, кейнсианства, включая особо важные в нашем контексте работы М. Калецкого (См.: Kalecki M. Selected Essays on the Dynamics of the Capitalist Economy 1933 – 1970. Cambridge: Cambridge University Press, 1971).

Кейнсианство как направление вообще имеет лишь общее идейное родство (акцент на необходимости активного государственного регулирования) с системой отношений селективного регулирования и программирования экономики. Первое обращено к проблемам воздействия на агрегированные параметры макроэкономической динамики (совокупный спрос, совокупное предложение, рост/спад ВВП, безработица). Второе – на регулирование структуры экономики, пропорций воспроизводства, и в этом смысле является прото-планированием, одной из первых форм новых отношений координации. Неслучайно, что и «Новый курс» Рузвельта сложился параллельно теории Кейнса, но никак не под ее влиянием.

В силу этого для нашего исследования оказались наиболее интересны не столько работы Кейнса, сколько упомянутых выше советских авторов, а также Ф. Перру и его коллег. Кроме того, напомним, что в 1937 г. в США благодаря усилиям У.К. Митчелла начал выпускаться журнал «Плановое общество», а в 1944 г. К. Ландауэр опубликовал книгу «Теория национального экономического планирования», в которой обосновывалась сущность индикативного планирования, подчёркивалась его антикризисная направленность (подробнее об этом см. в упомянутой выше работе: Андриюшкевич О.А. Индикативное планирование в экономиках разного типа // Капитал страны: федеральное интернет-издание. 23.01.2012. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/199716/>).

саморегулированием, а общегосударственными *директивными* (имевшими силу обязательного для исполнения закона) *планами Общеэкономического центра* (ОЭЦ).

Последний постепенно сложился в сложную систему государственных органов, включавшую высшие органы партийного руководства, Совет министров, Государственный комитет по планированию (Госплан), Государственный комитет по ценообразованию (Госкомцен), Государственный комитет по снабжению (Госснаб) и ряд других органов функционального управления плюс систему отраслевых министерств и органов регионального руководства экономикой.

Через систему органов управления второго и третьего уровней задания ОЭЦ доводились до непосредственных исполнителей.

Модели планирования, структура органов ОЭЦ, круг обязательных для исполнения плановых заданий и косвенных регуляторов, равно как и мера развития все это время сохранявшихся товарно-денежных отношений существенно варьировались в разные периоды эволюции СССР. Рассматривая относительно стабильное состояние этой системы – период т. н. «развитого социализма» середины 1960-70-х гг. – можно зафиксировать, что к кругу обязательных плановых заданий тогда относились:

- показатели производства основных видов продукции стратегического назначения в натуральном выражении;
- объёмы производства конечной продукции (в стоимостном измерении);
- цены на основные виды изделий и правила ценообразования в сфере договорных (горизонтальных) отношений между предприятиями;
- показатели качества;
- показатели снабжения стратегическими ресурсами;
- нормы рентабельности;
- государственные инвестиции;
- социальные показатели и др.

Существенно, что *круг обязательных заданий в этот период не превышал половины укрупнённой номенклатуры производства*. Более половины изделий (промежуточная продукция и др.) производилась на основе прямых договоров предприятий, регулировавшихся определёнными правилами. Для руководства предприятий были значимы как директивные задания, так и коммерческие результаты (от последних зависел размер примерно 20-30% дохода работников, большая часть фондов социального развития коллектива, децентрализованные инвестиции и т. п.).

Авторы напоминают все эти «детали» просто потому, что в нашей стране, а тем более в мире, выросло новое поколение экономистов, которое имеет крайне упрощённое представление о советской системе планирования¹.

В отличие от содержания плановой экономики, о ее достоинствах и недостатках были написаны многие сотни работ², и мы в данном случае не будем затрагивать эту тему, констатируя, что оценки большинства экономистов последних двух-трёх десятилетий были в целом негативными. Последнее, впрочем, не означает, что это мнение сохранится вечно. Наша задача, в любом случае, состоит лишь в том, чтобы выделить существующие и воспроизводимые в успешно развивающихся современных экономических системах и/или объективно возможные и эффективные (хотя и не присутствующие в современных экономках) позитивные практики планирования, существовавшего в советской системе.

При этом одним из самых сложных окажется вопрос: а чем собственно было планирование, ставшее в середине XX в. основным способом регулирования пропорций и экономического развития в странах «реального социализма» и игравшее большую роль в развитии капиталистических стран?

Ответ на этот вопрос выводит нас за рамки того краткого историко-эмпирического обзора, из которого мы вывели ключевой вопрос этого текста: *что есть планирование в современной экономике с теоретической точки зрения?*

Существенным промежуточным выводом в данном случае может быть «лишь» утверждение: *система отношений селективного регулирования экономики при помощи косвенных воздействий, интегрированных с государственными заказами и инвестициями в рамках кратко-, средне- и долгосрочных стратегий, нацеленных на изменение системы пропорций (например, обеспечение приоритетного развития наиболее прогрессивных отраслей и/или социальной ориентации производства), с начала XX в. стала неотъемлемой частью экономического развития. Эти отношения в разной мере развиты в разных национальных системах, но в мировом хозяйстве присутствуют в той или иной мере практически постоянно. Это можно считать закономерностью позднекапиталистической экономики.*

¹ Более полная информация о становлении и развитии планирования в СССР содержится в работах Р.А. Белоусова и Н.К. Байбакова: Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М.: ГазОйл пресс, 1996; Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.: Мысль, 1987.

² Обзор основных из них дан в коллективной монографии: СССР: незавершённый проект / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ЛЕНАНД, 2012.

2. «Планирование»: компенсация «провалов рынка» или форма пострыночных отношений?

Итак, перед нами стоит вопрос о теоретическом отображении феномена «*планирование национальной экономики*».

2.1. В поисках содержания категории «планирование».

Предварительные замечания

Начнём с жёсткого утверждения: поскольку основной теоретический аппарат «твёрдого ядра» неоклассики ориентирован на изучение рыночной экономики, рассматривая все остальные отношения как «провалы рынка» и результат внеэкономического вмешательства, постольку эта парадигма окажется мало полезна для поиска ответа на поставленный выше вопрос о том, какое объективное социально-экономическое отношение лежит в основе такой формы координации, как планирование. Собственно, в рамках данного направления даже сама постановка этой проблемы бессмысленна, поскольку: с их точки зрения экономика и рынок есть как бы совпадающие феномены. Более того, для правого крыла «основного течения» доказанным является утверждение, что иной формы экономической координации, кроме рыночной, не существует. Впрочем, есть и более мягкие утверждения, встречающиеся, как правило, у выросших из марксизма и потому способных к историко-диалектическому взгляду на предмет постсоветских специалистов в области микроэкономики¹.

В несколько меньшей степени, чем к неоклассике, абсолютизация рынка относится к кейнсианству, но, как ни парадоксально это звучит на первый взгляд, эта разновидность неоклассики в основном сохраняет ту же аксиоматику, что и их правые собратья по данной школе, считая необходимым лишь некоторое государственное *вмешательство* в экономику. Лишь близкая к марксизму ветвь – посткейнсианство – отчасти выходит за рамки названных постановок, но и то главным образом вследствие «примеси» марксизма².

¹ Так, о существовании трёх основных разновидностей экономических систем, среди которых, кроме рыночной, выделяются также командная и смешанная (представители которой наиболее многочисленны), пишет профессор Р.М. Нуреев (см.: Нуреев Р.М. Курс микроэкономики. М.: Норма, 2005. С. 60-66).

² См.: Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовёт Россию? М., 2012; Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004.

В рамках нового институционализма, являющегося, по большому счёту, продолжением неоклассической парадигмы, подразумевается возможность существования нерыночных способов координации, но они, опять же, в большинстве случаев выводятся за рамки собственно экономических отношений. Впрочем, если считать аксиомой то, что экономическими категориями могут быть только рыночные феномены, то проблема поиска пострыночных форм экономической координации, как мы уже отметили, снимается автоматически.

В отличие от нового, «классический» институционализм признает планирование одним из важнейших элементов современной экономики. Особенно ярко эта линия проведена Дж. Гэлбрейтом, прямо писавшем о существовании в экономике США двух подсистем: рыночной и плановой¹. При этом под плановой системой он подразумевал корпоративный сектор (оговоримся: в своих поздних работах он констатировал, что рыночная система доминирует в экономике США).

Сходные взгляды развивают представители конвенционализма и экономической социологии. Так, согласно экономической теории конвенций (Л. Болтански, Л. Тевено), существует множество порядков обоснования ценности – фундаментальных режимов вовлеченности и связи, каждому из которых соответствуют *свои способы координации действий*. При этом рыночный способ представляет лишь один из возможных миров, которому противостоят также индустриальный, домашний, гражданский и другие миры². Более того, эти исследователи отмечают, что, несмотря на претензии рынка на универсальность, этот порядок как способ координации хозяйственных взаимодействий существует именно благодаря достижению компромисса с другими, нерыночными порядками³.

¹ См.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969.

² См.: Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66—83. См. также: Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003. Заметим, что эта классификация «миров» и соответствующих им способов координации в экономической социологии позволяет нам выделить ещё ряд подтверждений актуальности планирования на современном этапе развития экономики. Так, один из противостоящих рыночному – индустриальный – мир, который основан на технологиях, инвестициях и перспективном планировании (в отличие от краткосрочной ориентации рыночного способа координации) и предполагает рассуждения в терминах технологических цепочек, уже по своему определению предполагает необходимость планирования и прогнозирования. Гражданский же мир, также противостоящий рыночной координации, исходит из логики коллективных интересов и действий, которые в нем оцениваются с позиции соответствия общему благу и выстраиванию отношений солидарности, для реализации чего также целесообразно использование различных инструментов планирования.

³ См. Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. с. 69—84. См. также: Радаев В.В. Цит. соч.

Гораздо ближе к пониманию феномена «планирование» лежит, как ни странно, пограничная с экономической теорией область оптимизационного моделирования экономических процессов на базе межотраслевого баланса и других моделей. В рамках этого направления и отечественными, и зарубежными исследователями проделана большая работа, начиная с двух лауреатов нобелевской премии – В.В. Леонтьева и Л.В. Канторовича – и заканчивая современными разработками в этой области¹. В рамках этого направления создаётся система моделей, позволяющих построить непосредственно-общественным образом (априори, не опосредуясь «невидимой рукой рынка») систему объективно-обусловленных оценок, позволяющих соразмерять затраты и результаты в рамках оптимизационных моделей планов по нескольким тысячам видов продукции. Существенно, что ключевой вопрос здесь – не размерность, а само принципиальное теоретическое решение, позволяющее планировать развитие достаточно больших сфер экономики.

В последние десятилетия к этим моделям добавились разработки в области демократического горизонтального итерационного планирования, показывающие направление, по которому может идти поиск теоретических и практических решений в этой области².

Однако, как легко догадается читатель, по мнению авторов наиболее развитый теоретический аппарат для исследования феномена планирования присутствует в современной (в широком смысле слова, включая весь XX в.) марксистской теории.

¹ Анализ достижений этой школы посвящена работа: Шухов А.С., Фрейдлин М.П. Математическая экономия в России (1885 – 1995). М.: Наука, 1996. См. также следующие работы представителей отечественной научной школы комплексного прогнозирования: Анчишкин А.И. Планирование народного хозяйства. М.: Изд-во МГУ, 1989; Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. М.: Экономика, 2008; Швырков Ю.М. Государственное индикативное планирование: теория, история, современная практика (российский и зарубежный опыт). М.: Проспект, 2007; Яременко Ю.В. Прогнозы развития народного хозяйства и варианты экономической политики. М.: Наука, 1997.

² См.: Laibman D. Horizontalism and Idealism in Socialist Imagination: An Appraisal of the Participatory Economy. *Science and Society*. 2014. Vol. 78. No. 2. P. 207-234; Laibman D. Incentive Design, Iterative Planning and Local Knowledge in a Maturing Socialist Economy // *International Critical Thought*. 2011. Vol.1. Issue 1. P. 35-56; Laibman D. Democratic Coordination: Towards a Working Socialism for the New Century // *Science and Society*. 2002. Vol. 66. No. 1. P. 116-129; Albert, M. *Parecon: Life after Capitalism*. London and New York: Verso, 2003; Albert, M., and R. Hahnel. In Defense of Participatory Economics // 2002. *Science and Society*. Vol. 66. № 1. P. 7-21; Albert, M., and R. Hahnel. *Participatory Planning* // *Science and Society*. 1992. Vol. 56. № 1. P. 39-59; Hahnel R. *Of the People, by the People: The Case for a Participatory Economy*. Soapbox Press, Oakland, CA, 2012; Hahnel R. *Economic Justice and Democracy: From Competition to Cooperation*. New York: Routledge, 2005; Gomez-Ramirez L. On Theories of a Democratic Planned Economy and the Coevolution of “Pro-democratic Planning” Preferences // *International Critical Thought*. 2014. Vol. 4. No. 2. P. 178-197; Devine P. *Democracy and Economic Planning: The Political Economy of a Self-Governing Society*. Boulder, CO: Westview Press, 1988; Devine P. *Participatory Planning through Negotiated Coordination* // *Science and Society*. 2002. Vol. 66. Issue 1. P. 72-85; Devine P. *Designing Socialism: Visions, Projections, Models – Question 3: Incentives and Consciousness* // *Science and Society*. 2012. Vol.76. Issue 2. P. 215-218.

И прежде всего здесь следует обратить внимание на работы т. н. «*Университетской школы политической экономии*» 1960-1980-х гг. Тогда авторский коллектив кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством Н.А. Цаголова представил развёрнутое обоснование гипотезы о планомерности как особом производственном отношении, «экономической клеточке»¹ новой экономической системы, идущей на смену рыночно-капиталистической. В рамках данной гипотезы были выделены многие черты этого производственного отношения и ряд аргументов в пользу того, что оно является, говоря современным языком, «системным качеством» («исходным отношением») экономической системы, снимающей капитализм.

Основываясь на достижениях наших учителей, авторы этого текста разработали на протяжении 1980-х гг. теорию содержания и формы этого отношения, раскрыли его внутренние противоречия, контрапункты историко-логического генезиса и мутации, показав, как и почему произошло вырождение ростков отношений непосредственно-общественного регулирования экономики в бюрократический волюнтаризм, приведший к господству «экономики дефицита»².

2.2. К проблеме политико-экономической квалификации феномена «планирование»

В рамках марксистской политэкономической теории планирование выступает как форма нового производственного отношения – *планомерности*³. Это отношение возникает по мере снятия рынка. Подчеркнём: это *теоретическая* постанковка. Вопрос о том, в какой мере она отражала практики планирования и сколь далеко зашло это снятие в условиях позднего капитализма, мы *пока* оставляем в стороне.

Если мы принимаем эту посылку, то таким *снятием* (т. е. развитием, отрицанием и наследованием одновременно) товарного производства как способа формирования

¹ См.: Курс политической экономии. В 2-х томах. Т. I. Досоциалистические способы производства / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.: Экономика, 1973; Хессин Н.В. Понятие «клеточка» и его методологическое значение // Вопросы экономики. 1964. № 7.

² См.: Бузгалин А., Колганов А. Планомерность в системе экономических отношений социализма. М.: Изд-во Московского университета, 1983; Бузгалин А., Колганов А., Шухтин А. Становление планомерной организации социалистического производства. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1985; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социально-экономические корни и противоречия бюрократизма. М.: ИЭ АН СССР, 1987.

³ В дополнение к названным выше укажем ещё одну важную работу: Хессин Н.В. Об историко-генетическом подходе к исследованию системы производственных отношений социализма // Экономические науки. 1975. № 6.

хозяйственных связей и макроэкономических пропорций может быть только отношение, которое позволит сделать шаг «по ту сторону» основы рыночной системы. «Снимающее» рынок отношение должно, тем самым, стать отрицанием отрицания основы товарного производства – обособленности [частных] производителей и общественного разделения труда¹.

Иными словами, это снятие происходит в той мере, в какой вырастает новое отношение, обеспечивающее такую социально-экономическую форму связи производителей и потребителей, которая:

(1) развивает общественное разделение труда, а не ведёт к натурально-хозяйственной замкнутости (иначе это будет регресс к добуржуазным отношениям – общине, поместью);

(2) преодолевает обособленность экономических агентов, но не за счёт бюрократической диктатуры государства (в противном случае мы вернёмся к первопричинам советской «экономики дефицита»);

(3) является (для начала, хотя бы в некоторых сферах) более прогрессивной², чем ныне существующая модель рынка (иначе мы получим всего лишь ещё один консервативно-регрессивный сценарий).

Продолжение нашего исследования предполагает необходимость однозначного отказа от попыток какого-либо априорного абстрактного конструирования этих отношений. В соответствии с заявленной выше методологией мы предлагаем *вывести* некоторые базовые черты этого уже появляющегося на практике отношения путём анализа противоречий существующих трендов экономического развития.

Продланное выше краткое обобщение исторического опыта становления и развития элементов регулирования и планирования вкупе с огромным количеством работ дирижистов и современных марксистов, обобщающих опыт государственного воздействия

¹ Это положение К. Маркса подробно раскрыто и аргументировано в книге: Хессин Н.В. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Изд-во МГУ, 1968.

² Прежде всего, напомним, с точки зрения таких общественно-значимых результатов как развитие человеческих качеств; решение глобальных, в том числе, экологических, проблем; научно-технический и культурный прогресс и т. д., количественная сторона которых косвенно отражается в таких показателях как: индекс человеческого развития, скорректированный с учётом социально-экономического неравенства (ИЧРН, Inequality-adjusted HDI – IHDI) (см. Human Development Report 2010: The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development. UNDP, 2010. P. 85-89); «зеленый ВВП», или «полный индекс богатства» (Inclusive Wealth Index – IWI) (см.: Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress toward sustainability. Cambridge University Press, 2012. P. 23–24); индекс скорректированных чистых накоплений (adjusted net savings), разработанный Всемирным Банком (подробнее см.: Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Индикаторы устойчивого развития // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общей редакцией С.Н. Бобылева. М., 2013. С. 175-187); индекс свободы (см.: Freedom in the World 2014. Freedom House, 2014); индекс экономической свободы (см.: Economic Freedom of the World: 2014 Annual Report / James Gwartney, Robert Lawson & Joshua Hall. Fraser Institute, 2014).

на экономику в развитых и развивающихся странах¹, а также критический анализ советских работ в области непосредственно-общественного регулирования и планирования экономики, позволяет зафиксировать несколько принципиально важных выводов.

Начнём с того, что сознательное непосредственно общественное регулирование экономических отношений (пока именно так, весьма абстрактно, обозначим общие основы планирования, не сводя его к деятельности государства) складывается там, где возникают следующие основания.

Во-первых, там, где функционирование общественного производства требует постоянства поддержания пропорций в средне- и долгосрочном периоде (при возможности сохраняющего пропорциональность изменения структуры экономики). Это главным образом сферы, характеризующиеся значительной инерционностью (значительная часть транспортной инфраструктуры, образование, фундаментальная наука и др.), а также значимостью такого фактора как безопасность.

Во-вторых, в тех областях, где возникают масштабные проекты развития, требующие средне- и долгосрочно гарантированной и стабильной реализации (например, космические, ядерные и др. программы)

В-третьих, в сферах реализации солидарных интересов тех или иных сообществ, объединяющих не частных, а солидарно (намеренно повторим) действующих индивидов (сферах, где, выражаясь языком неоклассики, возникает «социальный капитал»).

Наконец, пострыночные отношения (правда, несколько иного рода, нежели в сфере планирования) складываются в той части мира культуры и т. п., где создаются и потребляются неограниченные общественные блага, где сложились (складываются) отношения собственности каждого на все.

К последней сфере мы ещё вернёмся, а сейчас посмотрим внимательнее на первые три случая.

Случаи (1) и (2) – это давно и хорошо известные примеры высоко обобществлённого производства. В последние десятилетия понятие «обобществление» наряду с другими категориями политической экономии было исключено из арсенала экономической теории, однако реальный феномен обобществления производства от этого никуда не делся. Он продолжает существовать, и в этих сферах продолжает осуществляться преимущественно неродственно общественное формирование качественных и количественных параметров будущего производства и контроль за их реализацией, т. е. планирование. Другое дело, что

¹ Среди работ, содержащих обобщение опыта политики дирижизма и его реформирования, можно назвать: Orru M. *Dirigiste Capitalism in France and South Korea // The Economic Organization of East Asian Capitalism / Eds. Marco Orru, Nicole Woolsey Biggart, Gary Hamilton. SAGE, 1997.*

субъектом такого планирования может выступать и выступает не только национальное государство. Им может быть также и орган местного самоуправления, и совокупность государств (проект Airbus¹), и крупная корпорация (в ряде случаев также государственная²) или их консорциум, и общественная организация, и даже сеть граждан, объединённая крупным краудсорсинговым проектом.

Во всех этих случаях для нас важны не примеры и детали, а вывод: *в современной экономике существуют некоторые сферы, в которых высокий уровень обобществления требует сознательной организации общественного воспроизводства.*

Вопрос тем самым переходит в иную плоскость, а именно: что есть с *политико-экономической* точки зрения *непосредственно общественное формирование и реализация параметров воспроизводства?*

Подчеркнём: речь идёт именно о политико-экономическом категориальном пространстве и языке, ибо в мире economics эти феномены либо отсутствуют, либо сводятся к провалам рынка (лишь некоторые из них отчасти стали пытаться отобразить в последнее время теории «социального капитала» и т. п.).

¹ Airbus – одна из крупнейших авиастроительных компаний в мире, образованная как консорциум в конце 1960-х годов путём слияния нескольких европейских авиапроизводителей (первоначально – Германии, Франции и Великобритании, впоследствии к ним присоединилась Испания). На встрече министров трёх стран-основателей консорциума – Франции, Германии и Великобритании в июле 1967 г. было принято решение: «с целью усиления европейской кооперации в области авиационных технологий для обеспечения экономического и технического прогресса в Европе следует предпринять соответствующие меры для совместного развития и производства аэробусов». Деятельность консорциума в начальный период его развития активно поддерживалась государствами стран-участников. Подробнее об истории консорциума см. соответствующий раздел официального сайта компании: <http://www.airbus.com/company/history/the-narrative>.

² В.Н. Тарасевич в связи с этим отмечает: «британский еженедельник “The Economist” без обиняков называет один из своих специальных докладов “State Capitalism” и констатирует экспансию госкапитализма, который оперирует изощрённым инструментарием и вознамеривается соединить преимущества государства с преимуществами капитализма(...). Наступление госкапитализма является весьма впечатляющим и убедительным. В его авангарде – новые государственные предприятия (SOE), предприятия с государственной поддержкой (SSE) – так называемые национальные чемпионы, мощные государственные холдинги, миноритарные пакеты акций под управлением государства (SONC), частично приватизированные предприятия (PPF), государственные банки развития, суверенные фонды благосостояния (SWF), объединяющие фонды сбережений и развития. Мощные госкомпании становятся глобальными лидерами. Так, по данным ЮНКТАД, «родиной» 285 из 653 (почти 44%) крупнейших государственных ТНК являются экономически развитые страны, главным образом, европейские – Дания, Франция, Норвегия, Финляндия, Германия, Швеция. В списке 50 крупнейших компаний, публикуемых газетой “Times”, ещё в 2004 г. госкомпании отсутствовали, а в 2011 их насчитывалось уже 11. По уровню капитализации они заняли ведущие позиции: 2-е место - Petro China, 4-е - Industrial & Commercial Bank of China, 5-е - Petrobas (Бразилия), 7-е - China Construction Bank. Мексиканская Cemex стала третьей в мире цементной компанией. В списке ведущих 20 глобальных компаний журнала “Forbes” в 2008 г. не было ни одной государственной, а в 2012 г. их стало 6» (см.: Тарасевич В.Н. Государственный капитализм и развитие национальной экономики // Вопросы политической экономики. 2015. № 1)..

Ответ на этот вопрос начнём с обращения к практике. Что делает актор, планирующий начать, скажем, производство пассажирских самолётов мирового класса в масштабах, позволяющих захватить до трети мирового рынка (масштаб СССР 1970-х гг.) при наличии у него достаточных финансовых, материальных и институциональных предпосылок? Он определяет основные технические, эксплуатационные и т. п. характеристики будущих самолётов, их предельную себестоимость и другие качественные и количественные параметры производства, а также (в случае, если это делает национальное государство с целью возрождения отечественного авиастроения и делает *плановыми* методами, а не на основе рыночной модели заказа той частной фирме, которая даст самый большой откат) конкретные производственные объекты, на которых с технической, экологической, социальной и т. п. точек зрения (а не только исходя из соображений максимальной нормы прибыли) будет по преимуществу (и, естественно, в кооперации с тысячами поставщиков комплектующих) осуществляться будущее массовое производство. Данный план возрождения авиапрома затем уточняется в тысячах горизонтальных кооперационных договоров.

Это, подчеркнём, иная, нежели рыночно-капиталистическая, логика формирования и реализации больших проектов.

Но мы и исследуем, напомним, не рынок, а план.

Сразу о некоторых «нюансах».

Первый. Эта модель весьма напоминает советское директивное планирование.

Но! Но мы «списали» её не с Советского Союза, а с проектов, реализовавшихся в развитых странах с рыночной экономикой!

Впрочем, сходство с плановой экономикой СССР не случайно. В советской модели, в мутантном, бюрократически-деформированном виде были реализованы действительные ростки непосредственно-общественной, плановой организации производства. Вопрос, на наш взгляд (и в этом наше отличие от сторонников рыночного фундаментализма), не в том, чтобы отказаться от достижений плановой экономики, а в том, чтобы (1) избежать свойственных для неё мутаций и (2) использовать по началу лишь ее элементы.

Отсюда «нюанс» номер два. На практике, в условиях позднего капитализма непосредственно общественная организация производства будет противоречиво соединена с рынком (точнее, с формами экономической организации, свойственными позднему капитализму).

Но наша задача в данном подразделе – исследование природы «чистых» плановых форм. И о них мы можем сказать – это сознательно осуществляемое тем или иным актором (государством, ассоциацией) непосредственно-общественное формирование и реализация

априори установленных параметров производства. К последним в реальной экономике будут относиться как непосредственно общественные нормы и нормативы (качества, экологической безопасности, социальные и т. п.), так и рыночные параметры (себестоимость производства, объёмы и структура инвестиций и т. п.).

Более того, *в экономике позднего капитализма в большинстве случаев названная модель может быть распространена крайне ограниченно*, преимущественно в таких сферах как общедоступное образование и здравоохранение, фундаментальная наука и общенациональные культурные проекты, оборона и прорывные общенациональные проекты... Главным же образом плановые механизмы будут лишь отчасти дополнять рыночное саморегулирование и включать не столько названные выше качественные и количественные параметры, сколько косвенные индикаторы (селективное регулирование налогов, кредитов, пошлин и т. п.), которые мы пока что обозначим как *«плановые правила игры в рыночной экономике»*.

А теперь о несколько забытом нами третьем случае использования плановых механизмов – *плане как средстве реализации общенародных интересов*.

Прежде всего, подчеркнём: мы прекрасно отдаём себе отчёт, что в мире позднего капитализма сферы, в которых совпадают интересы олигархов и рабочих, «гламурной» интеллигенции и учителей сельских школ, финансовых брокеров и кассиров в супермаркетах, крайне ограничены. Но они есть. Более того, в системах, где правящий политико-экономический класс осознал на практике необходимость делиться, и/или там, где его заставляют делиться организованные граждане, они не так уж узки, как можно было бы подумать.

(Здесь необходимо важное отступление: *в общественных системах, где политико-экономическая власть сконцентрирована в руках меньшинства, последнее может использовать плановые методы для реализации своих, псевдо-общественных интересов*. Подчеркнём: это касается не только деформаций советской плановой системы, но и массы примеров использования правящей олигархо-бюрократической верхушкой общенациональных средств в своих узкоклановых интересах. Последний пример этого – использование правительствами многих развитых стран бюджетных средств для спасения частных финансовых институтов во время последнего мирового экономического кризиса).

И в экономиках, развивающихся по «скандинавской модели», и в СССР периода Новой экономической политики эти интересы охватывали, во-первых, сферы создания т. н. общественных благ (неконкурентных и/или неограниченных). Во-вторых, они распространялись и на производство тех благ, которые в рамках такой модели смешанной экономики (или позднего капитализма) должны быть общедоступными, в отличие

от неолиберальных моделей, где они должны создаваться (и создаются) на конкурентной, рыночной основе. Эти сферы мы уже называли: образование, здравоохранение, крупнейшие инфраструктурные проекты и мн. др.

Продолжим наш анализ. Теперь мы, следуя логике выведения все более глубинных черт отношений сознательного регулирования экономики, осуществляемого обществом в целом, должны показать *производственно-экономические и технологические основания этих отношений*.

Здесь мы можем быть относительно краткими. Но не потому, что нам нечего сказать, а потому, что это уже давно было сказано нашими учителями и авторами этого текста в работах, посвящённых исследованию процессов, важность которых мы анонсировали выше. Речь идёт об *обобществлении в материальном производстве и прогрессе всеобщности деятельности в креатосфере*¹.

Переводя сказанное с экономико-философского языка классического марксизма на современный экономический язык, мы можем несколько менее строго, но более понятно и кратко пояснить сказанное следующим образом.

Как минимум с середины XX в. в экономике развитых стран возникают, *во-первых*, те сферы материального производства (преимущественно, *позднеиндустриального*), где сознательно формируемые на ряд лет пропорции, не подверженные в своих главных параметрах рыночной конъюнктуре, либо являются единственно возможным способом достижения результата, либо обеспечивают стратегически большую (с точки зрения интересов общества в целом) эффективность, нежели механизмы рыночного саморегулирования.

Прежде чем привести примеры таких сфер, напомним: это сознательное регулирование *не обязательно должно быть* (и в ряде случаев *не было*) государственным. В экономике позднего капитализма широко распространены отношения *локального корпоративного регулирования*, субъектами которого являются либо отдельные крупнейшие *частные* корпорации, либо их союзы (в том числе – теневые)².

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // Вопросы экономики. 2004. № 3; также см. разделы «Генезис креатосферы как контекст: изменения производительных сил накануне скачка “по ту сторону материального производства”» и «Креатосфера: пределы товарного производства и рынка» в нашей книге: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и её пределы («Капитал» re-loaded). Издание 5-е. М.: ЛЕНАНД, 2019 (С. 89-138, 200-245).

² Эти отношения в рамках «Цаголовской школы» были названы «неполной планомерностью». Подробнее см.: Куликов В.В. К вопросу об исходном и основном отношениях социализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975; Куликов В.В. Становление системы социалистических производственных отношений (Вопросы теории и методологии): Автореферат дис. на соискание учёной степени доктора экономических наук. М., 1976; Куликов В.В. Экономические противоречия социализма: характер и формы разрешения. М.: Экономика, 1986; Янченко С.Е. Переходные формы

Ну а что касается примеров таких сфер экономики, то они хорошо известны: космос, авиация, большие инфраструктурные проекты, программы структурной перестройки во Франции и Южной Корее, Китае и Финляндии... Во всех этих случаях собственно технологические, производственно-экономические параметры проектов, затрагивающих долгосрочные экономические интересы общества в целом и требующие стабильного, гарантированного проведения в жизнь на протяжении средне- или долгосрочного периода (то, что в марксизме называется обобществлением), требуют сознательного (государственного или частного – это в данном случае второй вопрос) регулирования пропорций и хода воспроизводственного процесса.

Во-вторых, сфера, в которой творческая по преимуществу деятельность создаёт человеческие качества и феномены культуры (обучение и воспитание, здравоохранение, наука, искусство и т. п.), и которую мы назвали много лет назад *креатосферой* (показав, что это имя точнее, нежели принятые термины «постиндустриальное», «информационное» и т. п. общество), обладает удивительными, хотя и хорошо всем известными свойствами.

Среди них едва ли не наиболее известное – «техническая» неограниченность создаваемых в креатосфере благ. Напомним: по своей природе феномены культуры могут потребляться абсолютно неограниченным кругом лиц. Их полезность и ценность от этого только возрастает, а удельные издержки падают¹: если абстрагироваться от интеллектуальной частной собственности, нет никаких технических (не экономико-правовых) трудностей в обеспечении доступа в пределе всех граждан земли ко всем ценностям науки, искусства и т. п. Именно на этом, кстати, базируются принципы викиномики, копи-лефта, свободного программного обеспечения, открытых общественных образовательных программ и т. п. Именно в силу этого *в креатосфере нет никаких технико-производственных проблем в переходе к созданию благ в режиме «собственность каждого на все»*². Более того, для этой сферы экономики (её типичный пример – викиномика) проблема на индивидуального модератора непосредственно общественного регулирования снимается – таким «актором» выступает сама сеть. В пространстве-времени викиномики нет места ни обособленности атомизированных агентов, ни бюрократическому центру.

Тем самым вопрос о том, какая форма – основанная на отношениях рыночного обособления и частнокапиталистического отчуждения/присвоения, или непосредственно-

производственных отношений. Минск: Изд-во БГУ, 1974; Курс политической экономии. В 2-х томах. Т. I. Досоциалистические способы производства / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.: Экономика, 1973.

¹ См.: Тоффлер Э. Революционное богатство. М.: АСТ, 2008.

² См.: Межуев В.М. Социализм как пространство культуры // Альтернативы. 1999. № 2.

общественная – наиболее прогрессивна, – в креатосфере переходит в совершенно иную плоскость. Здесь главными становятся не вопросы формирования органов планирования и отработки методов его осуществления, а нечто иное. Проблема переходит в сферу столкновения двух векторов – сторонников частной интеллектуальной собственности и собственности каждого на все, т. е. двух принципиально различных общественных форм жизнедеятельности субъектов креативной деятельности. «Технических» проблем отказа от первой (в отличие от планирования в сфере индустриального производства) нет. Другое дело, что здесь и планирование как таковое превращается в новый тип координации – сетевое саморегулирование на основе снятия частной собственности и рыночного обособления (укажем на ещё один пример – режим свободного доступа).

Подытожим наши теоретические размышления.

*В ряде сфер экономики позднего капитализма в виде **переходных форм** существуют:*

- 1) производственно-технические возможности создания благ на основе сознательного регулирования пропорций общественного воспроизводства;
- 2) социально-экономические отношения, формирующие общество как единого реально действующего экономического актора;
- 3) объективные социально-экономические интересы общества как целого – общенародные интересы;
- 4) институты, которые более или менее адекватно реализуют эти интересы (демократическое государство, опирающееся на развитое и активно действующее гражданское общество);
- 5) хорошо известные и практически доказавшие в странах с социал-демократической моделью свою эффективность (по крайней мере, не меньшую, чем рыночное саморегулирование в аналогичных сферах в экономиках с либеральной моделью) формы и механизмы осуществления такого сознательного регулирования экономики, высшей из которых является планирование.

Итак, плановая организация производства возникает в той мере, в какой в экономике общество действует как единый солидарный производитель (обобществлённые сферы воспроизводства) и единый солидарный организатор производства и распределения, реализующий единые для всех (или хотя бы большинства) интересы.

Иными словами, в основе сознательного регулирования лежит нечто более широкое и глубокое, нежели «провал рынка» в сфере, где «технически» невозможно или неэффективно частное производство. Постановка вопроса в данном случае иная: *сознательное регулирование используется там и тогда, где и когда оно полнее и эффективнее, чем рынок, реализует общественный интерес.*

Далее вопрос упирается в решение едва ли не ключевой проблемы планирования: существует ли объективно некий единый общенародный интерес и если да, то какие объективные отношения формируют его в головах индивидов¹? И каковы пути адекватного отображения этих интересов в плане?

Размышления на эту тему окажутся не очевидными и потребуют некоторого отступления от основной канвы текста, обращения к проблемам, лежащим на стыке экономики и политики. Но, как выяснится в заключительном разделе, это отступление принципиально важно, ибо главная трудность на пути генезиса отношений планирования в России – это, как ни странно, формирование его субъекта, способного преодолеть т. н. «провалы государства»

2.3. К вопросу о так называемых «провалах государства» и общенародных интересах

Для того, чтобы сделать это, нам придётся уйти от методологического индивидуализма и признать, что общество при определённых условиях может выступать не просто как некая сумма атомизированных индивидов, а как реальный экономический субъект, который (1) вырастает вследствие объективных процессов, происходящих в сфере производства и не только, (2) складывается в результате определённых объективных экономических отношений, (3) выступает в качестве единого актора ряда производственных отношений, (4) имеет институциональное оформление и (5) обладает единым [общенародным] интересом (точнее системой общенародных интересов).

Итак, мы утверждаем, что, повторим, общество при определённых условиях может выступать и как ассоциация, *конкретно-всеобщее единство* индивидов (в скобках заметим: конкретно-всеобщее есть категория диалектической логики, отражающая не формальное сходство, а реальное содержательное единство единичных феноменов, формируемое их

¹ То, что в экономике существуют не только частные акторы и их частные интересы, но и такой экономический субъект как общество, которому присущ объективный общенародный экономический интерес, классическая политэкономия знает с XIX в. В советской политэкономии эта проблема активно разрабатывалась в 1960-1980-е гг. В настоящее время наличие общенародных интересов подчёркивается в работах Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна, С.С. Слепакова и др. (см.: Гринберг Р.С. Возвращение политической экономии (о книге А. Бузгалина и А. Колганова «Пределы капитала: методология и онтология») // Вопросы экономики. 2010. № 11; Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2014; Слепаков С.С. Самоутверждение России: социально-экономический контекст // Философия хозяйства. 2012. № 1).

взаимодействием¹), а только как сумма обособленных атомов или формально подчинённых целому марионеток.

Такая постановка вопроса прямо отрицается многими исследователями, близкими к правому крылу неоклассики и нового институционализма. В большинстве случаев эти теоретики при этом мягко говоря не точно трактуют рассматриваемый нами феномен².

Между тем, марксизм как одна из наиболее целостных «органических теорий государства» исходит из того, что в антагонистических общественных системах индивиду присущ (1) частный интерес, а также (2) определённый классовый (и/или более узкий, социально-групповой) интерес. Но в определённых общественных условиях (в частности, в условиях господства социал-демократической модели позднего капитализма) может формироваться **и** (3) система единых интересов, не разделяющих индивидов в мире атомизированных и конкурирующих между собой рыночных акторов, а соединяющих их на основе отношений ассоциированности, солидарности (их недавно заметили даже теоретики «социального капитала»).

¹ Понятие конкретно-всеобщего в марксизме точно и полно раскрыто Э.В. Ильенковым в его критике как позитивистского акцента на выделении внешне общих, «одинаковых» признаков объектов, так и гегелевского подхода, относившего всеобщее в сферу идеального. В отличие от Л. Альтюссера (см.: Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006. С. 261–276), Э.В. Ильенков показал всеобщее как реальную, материальную, конкретную связь, единство элементов системы, создаваемую их отношениями, вырастающими из единого генетического основания. Для пояснения этой, ныне мало кому известной, мысли приведём несколько ключевых положений Ильенкова: «...Между тем это и есть пункт, в котором обозначаются две несовместимые позиции в логике, в том числе и в понимании «общего» («всеобщего»), – позиция диалектики и законченно-формальное понимание проблемы «общего», не желающее впускать в логику идею развития, органически – и по существу, и по происхождению – связанную с понятием субстанции, т. е. принципа генетической общности явлений, представляющихся на первый взгляд совершенно разнородными (поскольку абстрактно-общих «признаков» между ними обнаружить не удаётся). Враждебное – чтобы не сказать раздражённо-злое – отношение лидеров неопозитивизма к этой почтенной категории объясняется именно этим обстоятельством» (Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 323).

² Так, В.Л. Тамбовцев, подводя итоги своей статьи, делает вывод: «Наш анализ показал, что связь между понятиями общественных и социально значимых благ, с одной стороны, и общественных интересов — с другой, имеет постулируемый (но эмпирически не подтверждённый) характер. Трактовка общественного интереса как над- (или вне-) индивидуального, автономного от людей, фактически воспроизводит логику органических теорий государства, существовавших в XIX в. и практически забытых сегодня в силу их очевидного расхождения с реальностью» (Тамбовцев В. Общественные блага и общественные интересы: есть ли связь? // Вопросы экономики. 2014. № 11. С. 37). Основные аргументы автора суммируются при этом следующей фразой: «Попытки связать структуру бюджетных расходов с «объективной» общественной заинтересованностью в производстве общественных и — особенно — социально значимых благ не учитывают ресурсных, институциональных и политических факторов, специфичных для разных стран. Между тем именно они, а не характеристики различных благ как общественных или социально значимых, влияют на реальные бюджетные процессы. Вот почему теория государственных финансов, создаваемая усилиями многих исследователей, базируется на этих факторах, а не на свойствах благ, производимых в различных экономиках» (Там же).

Эти объективные социально-экономические и иные общественные отношения и формируют у индивида общенародные (конкретно-всеобщие) интересы, которые лишь фрагментарно (как и отношения, их формирующие) могут присутствовать в экономике позднего капитализма. И в той мере, в какой эти интересы присутствуют, они служат механизмом «запуска» пострыночных отношений и, в частности, селективного планирования.

А теперь постараемся кратко обосновать наши тезисы, начав «раскручивать» эту неочевидную систему умозаключений с конца, с того, что легче зафиксировать обыденному сознанию, не привыкшему проводить научные исследования, используя такие категории как «сущность», «конкретно-всеобщее» и т. д.

Посмотрим на практики стран с уже упоминавшейся социал-демократической моделью (Скандинавские страны, Австрия, а также современная Чили и др.)¹. В этих странах большинством граждан демократически признано, что *общество в целом* объективно заинтересовано в том, чтобы:

(1) гражданам независимо от уровня их дохода были обеспечены всеобщее общедоступное бесплатное образование и здравоохранение, доступ «рядовых» граждан ко всем основным благам культуры и др. общественным благам;

(2) не допускалось дестабилизирующего общество социального неравенства;

(3) доходы от природных ресурсов, принадлежащих всему обществу в целом, на равных основаниях присваивались всеми гражданами;

(4) обеспечивалось решение экологических проблем;

(5) преимущественно, хотя и не исключительно, за счёт общественных средств поддерживался прогресс в ряде сфер науки и техники;

(6) осуществлялась структурная перестройка экономики...

Это не полный перечень тех сфер, развитие которых относится к области реализации общенародных интересов, но он достаточен для того, чтобы сделать вывод: во всех этих случаях общество считает, что оно должно и может выделять ресурсы экономических акторов на создание *необходимого для каждого гражданина* результата.

Таким *результатом* в идеале должно быть формирование умного, культурного, здорового, стабильного общества, опирающегося на инновационную экономику². Их опыт показывает, что этот результат достигается далеко не в полной мере (антагонизмы позднего

¹ В Латинской Америке это пока стратегическая цель, а не достигнутый, как в Европе, результат.

² Ещё раз подчеркнём: в условиях позднего капитализма, даже самого что ни на есть социального, данный результат достигается лишь в некоторой (весьма незначительной) мере.

капитализма характерны и для «скандинавской модели»¹), но определённого продвижения в названных сферах можно достигать и на основе сознательного регулирования экономики, остающейся в своей основе (не будем об этом забывать) частнокапиталистической².

Включение в такие отношения и наличие такого *интереса* (или, по меньшей мере, готовность следовать правилам, установленным большинством, таким интересом обладающим) есть атрибут *индивида* как гражданина социального государства, то системное качество, которое (1) делает государство социальным, превращая в единую систему, которым (2) отдельный индивид *сам по себе* «от природы» не обладает, но которое (3) у него *лично* присутствует в той мере, в какой он на практике реализует себя как гражданин такой страны (платит налоги, получает бесплатное образование, пользуется социальными гарантиями).

Продолжим наше выведение основ сознательного регулирования экономики. Следующий шаг должен показать *эмпирически наблюдаемые формы бытия общества как целого*. Здесь в первую очередь принято указывать на государство, что правомерно только в весьма ограниченном смысле. В рамках марксистской парадигмы *государство в антагонистических обществах выступает как прежде всего представитель господствующего экономико-политического класса (с коррекцией на интерес бюрократии как особого слоя) и может выступать как представитель общества в целом только в той мере, в какой государственные органы экономического управления на практике адекватно отображают и реализуют конкретно-всеобщие интересы граждан данной страны как целого*.

Традиционно в качестве механизма, обеспечивающего решение этой задачи, рассматривается политическая демократия. Это столь же справедливо, сколь и недостаточно. Большая или меньшая мера адекватности представительства общенародного интереса государством зависит от того, насколько большинству граждан удаётся осознать и реализовать свои интересы в борьбе с экономическим доминированием капитала, насколько эффективны политтехнологии и другие механизмы корпоративного манипулирования «электоратом», сколь бюрократизировано государство, сколь велик экономико-политический контроль крупного капитала над СМИ и т. п.

¹ См.: Бугалин А.В. Будущее скандинавской модели (новый проект социально-ориентированного развития) // Альтернативы. 2011. №1. С. 4-16.

² Мы в данном случае не вступаем в спор, какая модель социально-экономического развития – скандинавская или либеральная – более эффективна и по каким критериям. Мы просто констатируем: можно развиваться и на основе общественного регулирования массы сфер, считающихся неоклассикой прерогативой конкурентного рыночного обмена.

Реальное (социально-экономическое), а не [только] *формальное* (политическое) подчинение государственных экономических органов обществу в целом складывается только в той мере, в какой развиты отношения, реально объединяющие граждан в ассоциацию, формирующую и реализующую свои социально-экономические интересы. Собственно эти ассоциации, их сети и их деятельность и есть та система взаимодействий, которая образует конкретную всеобщность – общество как актора отношений непосредственно общественного регулирования экономики.

Эти феномены не надо выдумывать или открывать. Их надо просто... «увидеть». Они уже существуют в таких формах, как:

(1) деятельность профсоюзов, организаций потребителей, экологических движений, ассоциаций бизнесменов и других институтов гражданского общества, участвующих в формировании целей и приоритетов экономического развития, социальных, экологических и т. п. рамок рынка, программ приоритетного развития науки и образования и мн. др.;

(2) включение граждан и институтов гражданского общества в постоянный мониторинг деятельности государственных органов экономического управления (эти формы активно развиваются в ряде стран Западной Европы и Латинской Америки, особенно на уровне регионов и органов местного самоуправления), общественный контроль и т. п.;

(3) развитие многообразных форм т. н. «экономики солидарности» (от таких старых форм как производственные потребительские, снабженческие и т. п. кооперативы до самых современных форм викиномики и/или краудсорсинга, краудфандинга, копи-лефта и др.¹);

(4) быстро прогрессирующие формы прямой Интернет-демократии вплоть до «электронных правительств»;

...перечень можно продолжить.

В той мере, в какой развиваются эти и им подобные формы, прогрессируют и объективные социально-экономические отношения, соединяющие людей в общество, выступающее в этой мере как единый реальный социально-экономический актор.

Капиталистический мир XX века – это тот хронотоп, где и когда все эти отношения только зарождаются, причём в переходных, ограниченных, противоречивых формах. И

¹ См.: Brabham D. Crowdsourcing as a model for problem solving: leveraging the collective intelligence of online communities for public good: PhD Thesis. Salt Lake City: University of Utah, 2010; Perspectives on Free and Open Source Software / edit. Feller J., Fitzgerald B., Hissam S., Lakhani K. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2007; Тапскотт Д., Вильямс Э. Викиномика: Как массовое сотрудничество изменяет все. М., 2009 (англ.: Tapscott D., Williams A. Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. N.Y.: Penguin, 2007).

хотя история этого генезиса весьма продолжительна и восходит, как минимум, к формам гражданского общества, общественного учёта и контроля, низовой демократии и т. п. начала прошлого (а то и конца позапрошлого) века, пока что они действуют в общей среде рыночных атомизированных «игроков» и остаются скорее дополнением господствующих механизмов формального подчинения государственного аппарата и экономического управления общественным интересам.

Последнее, в частности, порождает многочисленные *«провалы государства»*, на которые нам справедливо указывают критики идей сознательного регулирования экономики. На эту критику мы можем, однако, возразить: да, формальное подчинение государства обществу сопровождается феноменами бюрократизма, коррупции и т. п.

Но, во-первых, любой экономический механизм не свободен от деформаций. *Реальный рынок также всегда «грешит» кражами, грабежами, мошенничествами и т. п.* Весь вопрос в их мере.

Во-вторых, в странах со скандинавской моделью, по признаниям международных экспертов, уровень развития демократии и институтов гражданского общества один из самых высоких в мире, а коррупции и бюрократизма – один из самых низких в мире¹. Так что здесь действует очень непривычная связь: *один самых низких в мире уровней коррупции и преступности характерен для систем с одним из самых высоких в мире уровней участия государства в экономике (до 55% ВВП)².*

В-третьих, как мы уже писали, *в экономике «позднего капитализма» общество как единый субъект может возникать только в неполных, переходных, крайне противоречивых формах.*

В этом смысле в рамках названной экономической системы оно остаётся таким же «недоразвитым» субъектом, каким был частный рыночный актор (буржуа) в эпоху позднего феодализма, когда ему для осуществления рыночных трансакций приходилось все время

¹ По данным международного рейтинга уровня восприятия коррупции, составленного организацией Transparency International для 175 стран, в 2014 г. Финляндия, Швеция и Норвегия занимали 3-е, 4-е и 5-е места, со значением индекса восприятия коррупции 89, 87 и 86 соответственно (согласно принятой шкале измерения максимальное значение индекса 100 характеризует самый низкий уровень коррупции). США находились на 17-м месте (значение индекса – 74), Россия – на 136-м месте (значение индекса – 27). См.: Transparency International. Corruption Perceptions Index 2014: Results. Available at: <http://www.transparency.org/cpi2014/results>. В рейтинге развитости демократии журнала «The Economist» Норвегия, Швеция и Финляндия в 2011 г. занимали 1-е, 4-е и 9-е место соответственно среди 167 государств, и входили в группу стран с «полной демократией» (см.: Economist Intelligence Unit: Индекс демократии стран мира 2011 года [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 2011.12.19. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/12/19/3768>).

² По данным Статистической службы Финляндии, государство перераспределяет более половины ВВП страны; в 2011 г. этот показатель составил 55,1% ВВП, в 2012 — 56,7% (см.: https://www.stat.fi/til/jmete/2012/jmete_2012_2014-01-31_tie_001_en.html).

использовать полуфеодалные методы и рядиться под дворянина. Так и в условиях позднего капитализма общество как зарождающийся субъект сознательного регулирования вынуждено использовать полурыночные методы деятельности и «рядиться» под «обычный» рыночно-капиталистический институт. И точно так же, как во времена Мольера буржуа оценивали по дворянским меркам, так ныне общественные институты меряют рыночными критериями.

В заключение этого раздела нам остаётся всего лишь напомнить, что *в условиях позднего капитализма сознательное регулирование экономики со стороны общества лишь зарождается как одна из сторон переходных отношений* и в силу этого не может иметь развитых и полномасштабных форм; оно обременено глубокими внутренними и внешними противоречиями. Однако это не отрицает нашего общего вывода о *наличии ростков объективных социально-экономических отношений сознательного регулирования экономики в определённых сферах, дополняющих и ограничивающих отношения рыночного саморегулирования*¹.

Их, конечно, можно квалифицировать как всего лишь «провалы рынка», но методологически и теоретически это будет не более полезно, чем квалификация зарождавшегося в порах феодального общества рынка как всего лишь «провала» натурального хозяйства, а наёмного труда как «провала» рабства и крепостничества.

Практически же сведение регулирования к «провалам рынка» и/или политико-административному вмешательству в экономику задаёт отнюдь не безобидную негативную коннотацию по отношению к этим новым отношениям. *Характеристика же сознательного регулирования экономики (и, в частности, такой его формы как планирование) как ростков новых, пострыночных отношений, задаёт позитивную коннотацию, содействуя их реализации как более прогрессивного, нежели рынок, механизма координации.*

¹ С точки зрения анализа эволюции форм государственного участия в экономике стран позднего капитализма представляет интерес упоминаемая выше работа «Государство после этатизма: новые формы деятельности государства в эпоху либерализации» (The state after statism: New state activities in the age of liberalization / J. Levy (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006), авторы которой характеризуют эволюцию форм государственного участия как переход от «управления рынком» (market-steering orientation) к «поддержке рынка» (market-supporting orientation). На языке этой работы мы бы назвали наши новые интенции регулированием, в большей или меньшей степени выводящим определённые подпространства экономики по ту сторону воздействия рыночных механизмов формирования параметров производства, обмена и потребления.

При этом среди задач текущего этапа развития авторы упоминаемой работы выделяют такие, как корректирующая (восстановление основных разновидностей капитализма – либерального, корпоративного, государственного – с учётом новых условий и преобразование рынков труда и систем социальной защиты в направлении большей дружелюбности к работникам) и конструктивная (изменение рамок регулирования с целью обеспечения возможностей преодолеть основные экономические и технологические разрывы и расширение рыночной конкуренции в стране и за ее пределами).

Так что кажущаяся всего лишь «спором о словах» теоретическая дискуссия на деле оказывается далеко не столь практически безобидной, как можно подумать на первый взгляд.

На базе этих теоретических выводов мы можем, наконец, поставить основной вопрос нашего текста: что же из себя представляет современное планирование и каким оно может быть в ближайшем будущем?

3. Планирование: контрапункты возрождения

Ответ на первую часть вопроса в контексте сказанного не представляет особых трудностей: планирование есть форма особого способа координации, а именно, непосредственно-общественного регулирования экономики, посредством которого, в частности¹, осуществляется экономическая реализация общенародных интересов. Этот вывод сам по себе не нов. Мы лишь, во-первых, реактуализировали и обновили его обоснование. Во-вторых, авторы подчеркнули, что в реальной экономике позднего капитализма оно существует только в форме переходного отношения, соединяющего ростки непосредственно-общественного регулирования и господствующую форму рыночного саморегулирования. Наконец, в-третьих, мы предлагаем ниже ряд практических рекомендаций, которые мы выводим из эмпирического обзора первого раздела и теоретического анализа второго и которые могут послужить реперными точками проекта *возрождения элементов планирования в современной российской экономике*.

Подчеркнём: этот проект будет малопродуктивен, если в экономике и общественной жизни не произойдут и другие существенные изменения, о которых авторы и их коллеги не устают твердить на протяжении последних десятилетий, но которые пока так и остаются благими пожеланиями. Впрочем, как мы отметили выше, дело теоретика – исследовать реалии и их противоречия, показывать пути их снятия и, тем самым, давать обоснование того, что *должно*. Претворение должного в сущее – дело гражданского общества.

А теперь о самом главном: *что же мы предлагаем?*

¹ Подчеркнём: реализация общенародных интересов осуществляется также посредством других отношений, в частности, таких как общенародное присвоение (например, природных ресурсов) и «собственность каждого на все» (например, в сфере общедоступной информации); перераспределение личных доходов, социальные гарантии и трансферты; экологические, социальные и гуманитарные рамки воспроизводства и др.

3.1. Формирование институтов [селективного] планирования

Мы предлагаем критическое наследование отечественного и международного опыта планирования в *рыночной смешанной экономике* (на марксистском языке следовало бы выразиться точнее – полупериферийной модели позднего капитализма).

Это опыт, намеренно повторим в исторической последовательности, плана ГОЭЛРО и «контрольных цифр» в СССР 1920-х гг., индикативного планирования в Европе и Азии 1960-70-х гг., программ структурной перестройки экономики Китая и скандинавских стран 1990-2000-х гг. и др.

Во всех выше перечисленных и массе других, не упомянутых нами, случаев используется система отношений и институтов, которые мы (с целью избежать отождествлений, с одной стороны, с прогнозами, а с другой – с директивным советским планированием) назовём *селективным* (*т. е. избирательным и ограниченным по методам и сферам применения*) **планированием**. Его системное качество – определение обществом и утверждение государством на определённый период чётко зафиксированных *целей* и основных *«правил игры»* в области косвенного (для частного сектора) и прямого (для общественного сектора) регулирования той *части* национальной экономики, на которую распространяется общественное регулирование.

Существенно, что такое планирование осуществляется в остающейся по преимуществу *рыночно-капиталистической*, базирующейся главным образом на *частной собственности* экономике и *трояко ограничено*: по масштабу, по целям (они ограничены исключительно задачами реформирования капитализма) и по кругу средств воздействия (в сфере частного бизнеса они остаются косвенными).

Такое планирование есть (1) нечто принципиально *меньшее*, чем советский план, адресованный общественным предприятиям и имеющий по преимуществу обязательный (директивный) характер. Но оно есть вместе с тем (2) нечто принципиально *большее*, нежели план-прогноз или индикативный план, ибо включает чётко определённую систему¹ «правил регулирования» (средств своей реализации), утверждаемую обществом и обязательную для реализации в той части национальной экономики, на которую распространяется регулирование. Кроме того, оно (3) *критически синтезирует* разрозненные практики прошлого и должно использовать более демократические методы и

¹ На системном подходе как в понимании экономики, так и в использовании плановых инструментов воздействия на неё, давно настаивает Г.Б. Клейнер. См.: Клейнер Г.Б. Стратегическое планирование: основы системного подхода // Модернизация экономики и общественное развитие: В 3 кн. Кн. 2. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008; Клейнер Г.Б. Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // Вопросы экономики. 2013. № 10.

достижения сетевого информационного общества, идя в этом смысле *дальше* всех прежних опытов планирования.

Что же необходимо для формирования системы отношений селективного национального планирования?

Для начала не так уж много.

- Реализовать всем известные требования наведения в экономике институционального порядка.

- Критически интегрировать существующие механизмы государственного регулирования, превратив их в целостную систему, где чётко связаны цели социально-экономического развития и средства их достижения (стабильные «правила игры» в сфере национального регулирования).

- Дополнить их некоторыми существенными инновациями.

- Сформировать адекватный субъект селективного планирования и регулирования¹.

Рассмотрим всё по порядку.

Что касается упорядочивания институтов, то здесь потребуются меры, на которых настаивают и либералы, и регуляционисты, и которые необходимы для реализации любого сценария выхода из существующей стагнации. Это *высокий уровень спецификации, стабильность и гарантированность прав собственности и условий осуществления контрактов, а также стабильность финансовой системы*². Собственно, с тем, что эти

¹ Академик В.М. Полтерович предлагает следующие четыре принципа системы планирования, которое называет интерактивным: «Во-первых, планы формируются на основе проектов модернизации секторов и регионов, разрабатываемых в процессе диалога федеральных и региональных администраций, ассоциаций бизнеса и представителей гражданского общества. Во-вторых, процесс планирования является непрерывным («скользящим»), так что к началу каждого года осуществляется пересмотр взаимоувязанных долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных планов. В-третьих, выполнение планов достигается не за счёт административного принуждения, а за счёт рыночных стимулов и в рамках рыночных механизмов. В-четвертых, государство играет роль координатора не только на стадиях отбора и реализации проектов, но и на стадии их инициации. При этом формат взаимодействия далеко выходит за обычные рамки частно-государственного партнёрства, которое, впрочем, может использоваться на заключительном этапе процесса планирования и в процессе реализации планов.

Возглавлять такой процесс могло бы специально созданное для этой цели Федеральное агентство по интерактивному планированию, подчинённое непосредственно главе правительства. Его деятельность должна опираться, с одной стороны, на региональные агентства по планированию, а с другой – на систему экспертных комиссий, включающих представителей администрации, профсоюзов, ассоциаций потребителей и отраслевых ассоциаций бизнеса» (Полтерович В.М. Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 159).

Как заметят читатели, ниже авторы интегрируют данные предложения в свою модель, дополняя их рядом принципиально важных аспектов (роль гражданского общества, а не только регионов, обязательные задания государственным предприятиям и др.).

² Мы бы к этому добавили и ещё один пункт, который у российских либералов, скорее всего, вызовет отторжение: прозрачность не только государства, но и бизнеса с тем, чтобы

задачи должно решать любое государство, не спорит вообще никто из теоретиков. Другое дело, что в России с её высоким уровнем концентрации экономико-политической власти в руках олигархического капитала, сращённого с государственной бюрократией, нет политико-экономического субъекта, заинтересованного в ее решении. Но об этом, как и о преодолении других мутаций капитализма в нашей стране, – позже.

Мы далее предложим «правила игры», которые способствуют формированию отношений сознательного регулирования пропорций и других параметров процесса производства (на языке классической политэкономии – *воспроизводства*), что, в свою очередь, выведет их из-под власти отношений рыночно-капиталистического саморегулирования. Подчеркнём: праволиберальные теоретики считают эти институты не просто излишними, но и вредными и разрушительными для экономики. Более того, некоторые из этих шагов не примут и нео- (не пост-) кейнсианцы, и теоретики социал-демократии, ибо мы предлагаем *уйти от фундаментального постулата, развиваемого и неолибералами, и социал-демократией на протяжении более полувека*: производство должно быть частным, а его параметры – формироваться «невидимой рукой» рынка; дело государства – лишь некоторое перераспределение ресурсов с целью обеспечить большую социальную справедливость.

Авторы, тем самым, предлагают пойти дальше по сравнению с не только неолиберальной моделью регулирования как системой «поддержания рынка», но и с регуляционистской моделью «управления рынком»¹. Наша модель – выделение в экономике двух подпространств координации. Одно – регулируемо-рыночное. Второе – плано-рыночное².

Специфика первого в том, что там царят законы рынка, которые лишь «поддерживаются» и несколько ограничиваются обществом. Последнего – в том, что там сознательно регулируется не рынок, а социально-экономическое развитие. И различие здесь не только в словах: второе подпространство имеет другие, нежели чисто рыночные, (1) цели и критерии прогресса; (2) иных – преимущественно не рыночных по своей природе и

инсайдеров, злоупотребляющих своими полномочиями и присваивающих огромную инсайдерскую ренту, в России отправляли под суд как минимум не реже, чем в США.

¹ Эти термины из работы «Государство после этатизма: новые формы деятельности государства в эпоху либерализации» (The state after statism: New state activities in the age of liberalization / J. Levy (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006) были прокомментированы нами ранее.

² Напомним ряд уже упоминавшихся нами работ, в которых проводится эта мысль: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969; Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовёт Россию? М., 2012; Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004; Цаголов Г.Н. Как преодолеть либеральный застой // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.

мотивации – субъектов регулирования; (3) и иные объекты воздействия – технологические, производственные, социальные, а не только рыночные параметры.

Что касается собственно селективного *планирования*, как одного из двух ключевых способов координации в этом подпространстве, то его основными слагаемыми могут стать, *во-первых*, системы народнохозяйственного средне- и долгосрочного *прогнозирования*, уже существующие в нашей экономике. Оно требует совершенствования и развития, но это второй вопрос.

Во-вторых, и это гораздо более сложный шаг, – *планирование целей* – определение приоритетов социально-экономического развития национальной хозяйственной системы, или, несколько огрубляя, «контрольных цифр», достижение которых адекватно реализации общенародных интересов. Механизмы формирования таких целевых установок известны в отечественной и международной практике, но они требуют критического обновления, «перезагрузки». Подчеркнём, что планирование целей и превращение их в «контрольные цифры», безусловно, должно быть итеративным, с обновлением параметров по мере завершения каждого этапа планирования (например, ежегодно)¹.

Один из путей определения приоритетов при планировании целей – более демократическое и открытое обсуждение в гражданском сообществе и экспертной среде основных средне- и долгосрочных целевых установок, нежели это практиковалось ранее, причём существенно не только количественное расширение пространства и круга акторов, но и качественное обновление – переход к использованию *сетевых принципов и типичных для сетей механизмов диалога и комплиментарности*. Прообразом такой организации могут быть механизмы формирования проектов в режиме краудсорсинга, некоторые технологии открытых форсайтов, а также принципы викиномики, к сути которых мы ещё вернёмся ниже.

Собственно *форсайт* может быть применён как инструмент селективного общенационального планирования с целью соединения в рамках некоторых целостных и результативных процедур усилий экспертного сообщества, гражданского общества, профессионалов-плановиков и государственных органов. (Заметим в скобках, что некими отдалёнными прообразами таких «форсайтов» могут с известной долей приближения служить дискуссии, которые шли в СССР 1920-х гг. Они, кстати, стали одной из причин образования внутривнутрипартийной оппозиции в ВКР(б) с последующими чистками и т. п. вплоть до репрессий, и это важный негативный урок нашего прошлого, указывающий на

¹ Эту идею, предлагавшуюся ещё в 1980-е гг., в том числе авторами этого текста, академик В.М. Полтерович называет «скользящим» планированием (см.: Полтерович В.М. Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 159).

необходимость интеграции планирования и базисной демократии. Отметим, завершая наше отступление, что некоторые примеры такой интеграции можно найти в западноевропейских странах и в недавнем прошлом, и в настоящее время).

Последующие шаги также хорошо известны. В той же Франции это – законодательное утверждение выработанного проекта «контрольных цифр» Федеральным собранием и президентом.

Как бы заранее предвосхищая упрёк в возврате к «сталинизму», вновь подчеркнём: данные «цифры», являясь законом, *не являются обязательными для частных производителей*. Но они законодательно фиксируют интересы общества, которое всеми доступными ему легитимными методами будет содействовать их достижению в предстоящем среднесрочном (в перспективе – и долгосрочном) периоде.

В-третьих, планирование и утверждение на определённый период «правил игры» в подпространствах, охватываемых селективным планированием. Цель этой важнейшей процедуры проста: превращение существующих разрозненных институтов косвенного воздействия различных государственных органов на экономику (налоговых, кредитных и т. п.) в *систему средств реализации планов – взаимосогласованных институтов селективного регулирования социально-экономического развития в плановом подпространстве национальной экономики* (такая настройка данной системы институтов отчасти совпадает с тем, что сегодня принято называть «промышленной политикой»). Конечным итогом «выращивания» этой системы должно стать наличие согласованной во всех своих параметрах и для всех входящих в плановое подпространство сфер экономики системы «правил игры», позволяющих различным органам государства и гражданского общества сознательно воздействовать на пропорции и остальные параметры воспроизводства с целью реализации общественно выработанных средне- и долгосрочных приоритетов.

Существенно, что подпространство плановой системы, «по определению» включая ряд базовых государственных объектов, по отношению к частному бизнесу выступает как *открытая сеть*, присоединение к которой есть сугубо *добровольное* дело этих акторов. Они сами выбирают между стабильностью, гарантиями, престижем, низкими налогами, дешёвыми кредитами, но относительно невысокой прибылью в случае присоединения к сети и высоким риском + высокими налогами и т. п., но вероятностью быстро получить большую прибыль в случае ориентации на рыночное подпространство.

А теперь об основных *«правилах игры» в подпространстве планово-рыночного развития* (по большей части они хорошо известны). Это:

1) варьирование налогов; величины, ставки и условий кредитования; внешнеэкономических условий деятельности; предоставления других преференций для различных сфер экономики в зависимости от того, в какой мере их деятельность отвечает задачам реализации общенародных приоритетов;

2) государственный заказ на производство благ и услуг (прежде всего, общественных), трансформируемый в «твёрдое ядро» плана: после заключения контракта, производитель (как и при любой рыночной трансакции) *обязан* его выполнить, либо вернуть стоимость заказа плюс заплатить штрафные санкции и т. п.; в этой своей части план подобен директивному и это опыт, известный всем странам мира;

3) система норм и нормативов качества производства; их задача – не только недопущение производства вредной продукции, но содействие «выдавливанию» экологически грязных, технологически-отсталых, социально-неэффективных (например, использующих преимущественно ручной неквалифицированный труд), уничтожающих национальное богатство (например, экспорт леса-кругляка), нарушающих международно-признанные права работников и т. п. видов бизнеса;

4) система правил ценообразования (вплоть до лимитов цен) для тех сфер экономики, которые прямо определяют доступность для населения жизненно важных товаров и услуг (базовые продукты питания, основные лекарственные препараты, услуги ЖКХ);

5) развитие зон, закрытых для частного бизнеса (государственных монополий);

6) идейно-политическая и культурная поддержка ключевых сфер развития экономики при помощи находящихся в руках государства институтов искусства, образования, природоохранной деятельности и другие хорошо известные меры селективного регулирования.

Подчеркнём: эта система *косвенных* регуляторов нами не придумана: они все в большей или меньшей степени присутствуют в мировой практике и использовались в нашей стране в период НЭПа.

Более того, рассматриваемые нами отношения неслучайно названы *селективным* планированием. Оно может охватывать очень незначительную часть экономики, а может распространяться практически на все ее сферы, – мы обсуждаем *не масштаб государственного воздействия, а задачи его реформирования из совокупности теневого (или даже открытых) волюнтаристских вмешательств в единую систему регуляторов, реализующих реальные интересы общества хотя бы в некоторой части экономики.*

В-четвертых, важным блоком селективного планирования должна стать система институтов, устанавливающих «правила игры» для производства в общественном секторе экономики. Логика здесь предельно проста и ничем не отличается от логики частного собственника: *предприятия, которые нам принадлежат, должны делать то, что нам нужно, так, как нам (гражданам) нужно и в установленный нами срок*. Большая часть этого сектора должна работать, ориентируясь прежде всего не на рыночные критерии, а на реализацию общенародных интересов (это касается в первую очередь общественного сектора в таких сферах как здравоохранение, образование и др.) по модели не-прибыльных организаций.

В этой своей части план будет «всего лишь» агрегировать осуществляемые на протяжении данного периода *общественные заказы* (только основные, или большую часть, или все – это мы, опять же, не обсуждаем) и *общественные инвестиции*. Сказанное, опять же, – не фантазия авторов. Это (с теми или иными особенностями) практики ряда стран как «центра», так и «периферии» (наиболее типичный пример – оборонный заказ), о чем мы писали в начале текста.

Наконец, все эти институты прогнозирования, целеполагания, прямого и косвенного формирования параметров общественного воспроизводства могут и должны быть объединены в *систему общенародных целевых программ*. Последние и станут конкретной формой отношений координации, противоречиво (NB! Избежать противоречий плана и рынка нам по определению не удастся, и к этому надо быть готовыми) интегрирующих сознательное средне- и долгосрочное общественное регулирование (планирование) и рыночно-капиталистическое саморегулирование.

В очередной раз подчеркнём: *сколь значимым может и должно быть место этих отношений в той или иной национальной системе – этот вопрос должны решать сами граждане данной страны*. Дело учёных – показать, что такие отношения есть, раскрыть их природу, противоречия, потенциал, перспективы, возможные позитивные и негативные результаты их развития.

Эта (1) системность, соединение в рамках целевых общенациональных (и более локальных) программ всех институтов государственного воздействия на экономику вкупе с (2) обновлением многих его методов и процедур (в частности, путём использования не только традиционных, но и новых, сетевых методов формирования субъекта планово-регулирующей деятельности и осуществления самого процесса планирования), а также (3) снятием основных «провалов государства» (бюрократизма и т. п. – о чем ниже) и составит *суть «перезагрузки» института «планирование»* на первом этапе его генезиса в рамках рыночной экономики. Это будет «всего лишь» маленький, скромный шаг, ничего в

сущности не изменяющий в природе «позднего капитализма», но большее и невозможно сделать без качественной трансформации всех производственных отношений этой системы. Тем не менее даже такой шаг окажется важным сдвигом в стратегически перспективном направлении.

Более радикальная «перезагрузка» планирования связана с переходом в сферу качественно другой по своему содержанию деятельности.

Поскольку этот сюжет лежит отчасти в стороне от нашего основного предмета, позволим себе лишь краткую ремарку. Хорошо известно, что современная экономика – это не только материальное производство, но и сфера услуг. Последняя, поглощая более 75% занятых развитых стран, в свою очередь, включает (1) сервис, обслуживающий утилитарные потребности, (2) сферы, обслуживающие движение собственно рыночных форм (финансовые рынки, страхование, маркетинг и т. п.) и (3) *креатосферу* – пространство и время, где создаются культурные ценности и, прежде всего, личностные качества человека, его креативный потенциал. Это хорошо всем известные области массовой деятельности «низших» слоёв креативного класса – образование, включая воспитание и просвещение, а также все многообразие его форм – от яслей до повышения квалификации учёных; здравоохранение и спорт; научное и инженерное творчество; искусство; рекреация природы и общества и т. д.

Именно эта, третья в нашем перечне, подсистема сферы услуг становится в современной экономике главной областью реального сектора, ибо (1) в ней производится *главный ресурс* развития – креативный потенциал человека, и реализуется *высшая цель* развития – прогресс человеческих качеств. И именно в этой сфере возможна и необходима качественно новая модель координации, идущая дальше, чем собственно планирование – в подпространство горизонтальной сетевой координации. В этом мире экономическая задача, которую должно решать общество (государство, институты гражданского общества) состоит «всего лишь» в предоставлении материальных и финансовых ресурсов для жизнедеятельности акторов креатосферы. Далее она может развиваться по модели викиномики: свободная добровольная деятельность без расчёта на вознаграждение (но с гарантированным государством содержанием «человека творческого»), без рыночной конкуренции (но с конкуренцией талантов), без централизованной иерархии и без интеллектуальной частной собственности (но с фиксацией имени творца, как это испокон веков происходит в науке, педагогике или искусстве, где все знают, кто создал теорию относительности или написал «Войну и мир»). Конечным результатом деятельности в этом

подпространстве становится культурная ценность, доступная каждому в режиме «собственность каждого на все»¹.

Эта модель ещё недавно казалось абсолютно фантастической (хотя *отчасти* в таком режиме едва ли не столетия жили и живут общественные школы, университеты, библиотеки, академические научные центры, экологические объединения, ассоциации социальных работников и мн. др.). Но создание Википедии – едва ли не наиболее мощного (хотя и – признаем – имеющего массу недостатков) информационного ресурса современности показало, что *викиномика* – это реальность.

Развитие такой системы координации станет существенной перезагрузкой планирования, по сути его снятием, но этот сюжет мы в данном тексте оставим в стороне и вернёмся к проблемам селективного планирования в тех отраслях, где создаются материальные продукты и утилитарные услуги, и поставим самый сложный вопрос «выращивания» селективного планирования. Это, как ни странно, проблема формирования его *субъекта*.

3.2. Ключевая проблема: «выращивание» субъекта [селективного] планирования

Дело в том, что им, чем дальше, тем больше должно становиться... *гражданское общество*. Последнее в его современном понимании является отнюдь не сборищем пресловутых «кухарок»². Институты гражданского общества, которые могут и должны включаться в процесс планирования, это прежде всего профессиональные экспертные сообщества, научно-исследовательские и аналитические центры, *think tanks* и т. п. Эти организации, в свою очередь, могут и должны опираться на органы местного самоуправления, профессиональные и бизнес-ассоциации, потребительские, экологические

¹ См. упоминавшуюся нами выше работу В.М. Межуева.

² В отличие от «мифологизированного» представления, будто большевики считали, что каждая кухарка способна управлять государством, в действительности они особое внимание уделяли именно обучению управлению. Об этом и писал Ленин в статье 1917 г.: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. (...) Но мы (...) требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 315). В результате такого обучения создавалась широкая прослойка населения (представителей «гражданского общества», как мы бы сейчас это назвали), которая обладала необходимыми знаниями для участия в управлении.

и т. п. сети. Собственно государственные органы в данном случае могут и должны «всего лишь» (1) обеспечивать материальную базу этой работы и координировать ее, (2) предоставлять итоговые результаты для публичного обсуждения, (3) утверждать в соответствии с установленной процедурой (например, парламентом) «контрольные цифры» и «правила игры» для регулируемого подпространства национальной экономики, (4) обеспечивать реализацию принятых решений (соблюдение плановых «правил игры») и контролировать их претворение в жизнь.

Эти механизмы, нарочито повторим, в принципе хорошо известны. Даже в СССР, при всем его бюрократизме, планирование во многом было именно научной деятельностью. Снятие бюрократической формы, решение сверхзадачи преодоления «провалов государства» – такова фундаментальная причина сформулированного выше и кажущегося парадоксальным вывода о гражданском обществе как основном субъекте планирования. Если же регулирование и планирование будут проводиться исключительно оторванными от общества бюрократическими органами, то либо нам придётся идти к авторитаризму, либо т. н. «провалы государства» (волюнтаризм, коррупция, клановость...) сведут на нет все возможные преимущества этой системы.

Отсюда два вывода.

Первый. Для того чтобы планирование, пусть селективное и ограниченное, было эффективным, его должна осуществлять команда интеллектуалов с очень высокими профессиональными качествами. Но для того, чтобы эта команда не превратилась в бюрократов, т. е. привилегированный и замкнутый клан работающих на свои, а не общественные интересы управленцев, необходимо нечто большее.

Посему второй вывод: для предотвращения этого, чтобы «провалы государства» были минимальны, необходим «пустяк» – некоторый круг участвующих в общественном управлении и контроле социально-активных граждан, соединённых сетями гражданского общества. Пусть это будет меньшинство, но меньшинство достаточно значимое по численности и активное настолько, чтобы стать основой для формирования при помощи государства институтов общегосударственного планирования и регулирования на демократической основе. Этот путь долог, но при определённых условиях (в частности, при соответствующей внешне- и внутривнутриполитической ситуации и при активной поддержке со стороны того, что принято называть «политическим классом») первые достаточные шаги могут быть проделаны в течение нескольких лет.

Сами по себе эти шаги хорошо известны.

Это, во-первых, содействие формированию активных акторов гражданского общества в социально-экономической сфере – реальных профсоюзов, органов участия работников в

управлении предприятиями (хотя бы по опыту Производственных советов в ФРГ), реально массовых органов местного самоуправления, экологических, потребительских и т. п. организаций; союзов предпринимателей и мн. др. Для того, чтобы эти органы сформировались, требуется, как минимум, (1) долгая и кропотливая работа политического класса по их поддержке; (2) постепенное, но неуклонное наделение этих органов все большими полномочиями и ответственностью; (3) формирование транспарентной системы социально-экономических институтов.

По мере вырастания низовых структур гражданского общества можно и должно перекладывать на них ответственность за решение все более и более сложных социально-экономических проблем. Соответственно, в этой же мере возможно частичное сокращение полномочий и ответственности плюс, соответственно, функций и численности государственных органов управления.

Во-вторых, формирование субъекта сознательного регулирования экономики предполагает столь же постепенный, сколь и неуклонный переход ко все большей открытости деятельности государственных органов и (что ещё более важно) предпринимательских структур, вплоть до уровня, принятого в странах со «скандинавской моделью», где любой гражданин может получить информацию о любых действиях правительства и менеджеров корпораций (вплоть до общей суммы годового дохода топ-менеджеров частных фирм), не составляющих государственной и коммерческой тайны, онлайн.

В-третьих, эти шаги станут базой для сокращения и, одновременно, повышения эффективности государственного аппарата регулирования экономики: повышения адекватности отражения интересов общества и профессионализма; снижения бюрократизма и волонтаризма; выдавливания коррупционной составляющей и т. п. При этом масштабы и роль сознательного регулирования и планирования в экономике могут возрасть: как мы уже писали, в странах с развитым гражданским обществом и демократическим государством при очень высокой степени государственного участия в экономике удельные размеры госаппарата меньше, чем в странах с либеральной моделью.

Эти шаги по снятию того, что в неоклассике называется «провалами государства», в марксизме именуется развитием ассоциирования граждан, содействие которому даже в рамках сохранения в целом частнокапиталистической системы является прогрессивным трендом.

При этом выглядит парадоксальным, но по существу является закономерным то, что шаги по развитию гражданского общества по идее должны поддержать и теоретические

сторонники идей политического либерализма, а также либертарианцы¹: в самом деле, последовательное развитие демократии – это то, что марксисты всегда считали необходимым (хотя и недостаточным) позитивным достижением либерализма.

Вернёмся к России. Здесь осуществление названных преобразований выглядит абсолютно утопичным. Но в нашей стране и не такие утопии становились реальностью: в 1916-м г. никто и подумать не мог о том, что через год крестьянство, пролетариат и буржуазия совместно с либеральной интеллигенцией разрушит монархию и провозгласит буржуазную республику. Ну а в 1980-х гг. только кучки диссидентов могли на кухнях мечтать о массовой либерализации, приватизации и т. п., ставших реальностью несколько лет спустя...

Итак, на наш взгляд, именно *формирование адекватного для осуществления сознательного регулирования субъекта, в частности, снятие основных «провалов государства», есть ключевая проблема развития даже селективного планирования.*

И это не какой-то политэкономический выверт: практика т. н. «рыночных реформ» в России показала, что для развития даже полупериферийной модели позднего капитализма ключевым условием было и остаётся наличие массового слоя носителей буржуазных ценностей, мотивов, правил экономической жизнедеятельности (*homo economicus*): постсоветский экс-бюрократ, «теневик», диссидентствующий интеллигент, привыкшие к патерналистской опеке рабочий и колхозник – все они с огромным трудом и далеко не в полной мере за эти без малого 25 (!) лет постепенно трансформируются в «нормальных» акторов капиталистических отношений, то и дело порождая реверсии государственничества и т. п.

Естественно, задача формирования субъекта сознательного регулирования является не менее сложной. Но точно так же, как для эффективного функционирования капитала, наёмного труда и других атрибутов капитализма необходим рациональный экономический человек, так и для сознательного регулирования (даже ограниченного, неполного) этой системы необходимы гражданское общество, ассоциации граждан и работников, прозрачное и хотя бы частично подконтрольное обществу государство.

*Модератором*² деятельности ассоциаций граждан может и должно быть профессиональное научно-практическое образование, получающее от государства

¹ Об основных «принципах веры» либерализма и либертарианства см.: Раквиашвили А.А. Либерализм. Эволюция идей. М.: Ленанд, 2010.

² Применительно к государственным органам этот термин, насколько нам известно, впервые был использован Л.Л. Игониной. См.: Игониная Л.Л. Финансовые аспекты модернизации российской экономики: оценка значимых детерминант / Стратегия опережающего развития - III. Том I. Российская модернизация: диагнозы и прогнозы / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, Р. Крумма. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 198.

достаточно широкие полномочия. Как именно оно будет выглядеть – это второй вопрос. В эпоху информационных технологий не обязательно строить новое здание с армией секретарей и охранников: основную работу может делать открытая сетевая структура.

Продолжим. Формирование такого субъекта и собственно отношений планирования во всех известных нам исторических практиках происходило одновременно. Поэтому если мы хотим «вырастить» хотя бы некоторые элементы этих отношений, процесс должен быть начат и с институциональных изменений в собственно экономике, где необходимы трансформации и «правил игры», и организационных структур управления.

Все сказанное можно было бы считать романтически-ностальгическими аллюзиями отпраздновавших 110-летие Н.А. Цаголова и собственный 60-летний юбилей авторов, если бы не один «пустяк»: полученные 25-30 лет назад теоретические результаты оказываются весьма актуальными с точки зрения задач проведения некоторых качественных изменений в модели экономического развития нашей страны (и не только) в новом веке.

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

4. Россия в изменившемся мире: какие задачи может решать [селективное] планирование и какие проблемы стоят на пути его развития

4.1. Контексты

Ещё в конце 1970-х гг. экономисты дружно констатировали, что сложившаяся к этому моменту (по преимуществу в Западной Европе) экономическая модель, интегрирующая дирижизм и социальный патернализм, оказалась в кризисе. Он был не столь уж глубоким (каких-то 1-3% спада, и инфляция на уровне 5-7%), но, не случайно совпав с «застоем» в экономике «реального социализма», оказался достаточным для перехода к неолиберализму. Последний, однако, на деле не слишком далеко продвинулся в деле демонтажа государственного регулирования (как мы уже отмечали выше, доля государства в экономике если где и сократилась, то на 2-4 процентных пункта, оставаясь в пределах 45-55% ВВП в западноевропейских странах и 30-35% в США), но породил мощный процесс финансиализации, закончившийся мировым кризисом 2007-2009 гг. В результате мировая экономика оказалась перед выбором: либо возврат к одной из двух (с подвидом) уже раз приведших к кризису моделей, либо поиск действительно нового решения.

В России по большому счёту ситуация сходная, с той только разницей, что социально-ориентированный дирижизм полувековой давности мы ещё не пробовали, но зато полной мерой «опробовали» результаты внедрения директивного планирования и неолиберального рыночного саморегулирования.

На наш взгляд, поиск новой модели может и должен исходить из нескольких практикой доказываемых предпосылок. Оставим на время в стороне Запад и посмотрим на отечественную экономику.

Во-первых, попытки «косметических» реформ прежних моделей или поиск новых пропорций рынка и государства (не 38, как сейчас, а 45 или, наоборот, 30% ВВП) *сами по себе* мало что изменят, сохранив нынешний застойный тренд, грозящий нам последствиями, сходными с судьбами СССР 1980-х гг. ...

Во-вторых, оптимальный с точки зрения авторов выход – переход к «выращиванию» качественно-новой социально-экономической и политико-идеологической системы – для России, к нашему большому сожалению, *пока* не актуален.

Наиболее реалистичная перспектива – это либо один из двух названных сценариев *регресса* (сценарий № 1 – возврат к «гайдарономике», сценарий № 2 – усиление государственно-бюрократического патернализма в духе позднефеодальных империй), либо реализация сценария № 3 – стратегии формирования новых, более *прогрессивных*¹, нежели нынешние, переходных форм экономической координации, инкорпорирующих в поздний капитализм ростки современного посткапиталистического, пострыночного регулирования – форм *программирования и селективного регулирования отдельных сфер в целом остающейся рыночно-капиталистической экономики*.

Критику первого и второго сценариев авторы давали уже не раз², что касается третьего сценария, то именно о нем мы и хотим кратко поразмышлять ниже.

Но сначала поставим вопрос: а актуально ли использовать в России критически переосмысленный и осовремененный опыт планирования СССР 1920-х гг. и ряда стран, осуществлявших модернизационный рывок в 1960-70-х гг.?

¹ Критерий, позволяющий судить о мере прогрессивности экономических систем, мы сформулировали в выше. Заметим: постмодернистский дискурс отказа от определения такого критерия приводит исследователя к позиции объективизма, утверждающего, что никакого критерия для определения относительной прогрессивности рыночной и плановой систем нет и потому никаких теоретически обоснованных рекомендаций, в частности, по проблеме роли государства в экономике, учёный-экономист дать не может. Тем самым аннулируется весь более чем полувековой спор монетаристов и кейнсианцев, не говоря уже о марксистах: «...и ты прав тоже», - говорит постмодернистский кадий.

² См.: Политэкономика провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М.: УРСС, 2013 (Библиотека журнала «Альтернативы». Т. 35); Колганов А.И., Бугалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1.

Ответ в первом приближении может быть прост: использование этого опыта оказывается актуально в той мере, в какой мы (1) собираемся решать сходные задачи и в той, в какой (2) мир не изменился *качественно* по сравнению со второй половиной прошлого века¹.

С пунктом (1) ситуация проще: если мы посмотрим на практики нашей страны, то легко заметим, что нынешнее руководство РФ, переняв лозунги оппозиции прошлых лет, ставит перед собой цели, до удивления напоминающие те, что выдвигали руководители той же Японии или Франции полвека назад. Это и создание мощной отечественной промышленности, и импортозамещение, и развитие собственного военно-промышленного комплекса...

Что касается аспекта (2), то здесь все сложнее. Мир за полвека изменился и радикально.

Однако.

Геополитический контекст ныне все более *инволюционирует* от неолиберальной глобализации в попятном направлении, к имперским порядкам прошлого: началась региональная диффузия казавшейся незыблемой глобальной сети, США все более откровенно стремясь играть роль «империи доверия»², чем дальше, тем больше оказываются далеко не единственным претендентом на роль единственного центра позднего капитализма. Что же касается постиндустриальной революции, то материальное *как бы* (это не оговорка: постмодернистский дискурс реиндустриализации как симулякра – реальность) вновь выдвигается развитыми странами на роль основы мировой конкурентоспособности.

И все же мир радикально изменился, и потому сделаем важный промежуточный вывод: необходима *перезагрузка* планирования XX века.

В этих условиях и большинство населения РФ, и её государственно-бюрократический аппарат, и та часть бизнеса, которая несмотря ни на что продолжает сохраняться в несырьевом производственном секторе – все они объективно заинтересованы в развитии

¹ Ниже мы подчеркнём: использование критическое, адекватное новым реалиям мира и специфике России.

² Концепция «империи доверия» изложена в книге: Madden T. Empires of Trust. How Rome Built – and America is Building – a New World. N.Y.–L.: Penguin Press, 2009. Аргументированную критику ключевой идеи автора, что имперская мощь США зиждется прежде всего на доверии, а не на силе капитала и армии этой системы, дал В. Иноземцев (Великая ложь // Свободная мысль. 2010. № 2. С. 195–200).

государственного селективного регулирования и индикативного планирования. И об этом много лет регулярно пишут сторонники этого курса¹.

Отказ президентов, правительств и правящей партии России последних пятнадцати лет от перехода к этому типу экономической политики, впрочем, тоже понятен: смена курса потребует серьёзного ущемления экономических и политических интересов крупнейших корпораций РФ (преимущественно – сырьевых), сращённой с ними политической «элиты» и обслуживающей их части так называемого «среднего класса» (лиц, живущих примерно на том же уровне, что и средний класс в странах «золотого миллиарда»), т. е. правящего экономико-политического альянса. Соответственно, до тех пор, пока данный альянс нерушим и сохраняет контроль за экономико-политическими процессами, переход к активному государственному регулированию нашей экономике не грозит.

Таково положение дел. Однако преимущество теоретиков над политиками состоит в том, что они могут (и, на наш взгляд, должны) писать не только о сущем, но и о должном – о том, что объективно возможно и прогрессивно², даже если оно не реализуемо в данных

¹ О необходимости более активного государственного регулирования в России, в частности проведения промышленной политики, говорят в своих публикациях многие отечественные авторы (см.: Гринберг Р.С. Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014; Татаркин А.И. Промышленная политика как основа системной модернизации России // Там же; Сорокин Д.Е. Приоритетность национально-государственного интереса // Там же; Пороховский А.А. Ключевые принципы рыночного развития: двадцать лет в России // Там же; Рязанов В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // Экономическое возрождение России. 2014. № 2. С. 17–25; Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства // Экономическое возрождение России. 2014. № 2; Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России. 2015. № 1. С. 7–22; Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовёт Россию? М.: Алгоритм, 2012; Цаголов Г.Н. Как преодолеть либеральный застой // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014). Этому были посвящены три Московских экономических форума, в рамках которых ряд ведущих учёных страны высказались в поддержку данного курса. Об этом пишут и бизнесмены, развивающие производство в реальном секторе экономики (см.: Бабкин К.А. Разумная промышленная политика необходима и возможна // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014), и даже некоторые академические учёные, являющиеся консультантами федеральной власти (см.: Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010). Систематически об этом говорится в статьях, публикуемых в журналах «Экономическое возрождение России», «Экономист», «Российский экономический журнал» и др.

² Мы уверены, что задача теоретика, берущегося давать советы эконом-политикам, состоит ещё и в том, чтобы брать на себя ответственность за определение критерия последнего (мы такое определение обосновали в нашей книге «Глобальный капитал» (5-е изд. – М., 2019), и оно теоретически формулируется как мера продвижения по пути свободного гармоничного развития личности каждого в соотношении с используемыми для этого ресурсами. Здесь принципиально важны все параметры: (1) мера социального освобождения, (2) гармоничность развития человека, акцент на его (3) личностных качествах и (4) общедоступности этих результатов (социальной

конкретных исторических обстоятельствах. Например, теоретик может построить теоретическую модель полёта в космос в мире, где даже автомобили являются редкостью, а большинство населения – безграмотно...

Следуя этому императиву, мы должны выделить основные характеристики объективно возможной и исторически прогрессивной теоретической модели планирования и селективного регулирования в позднекапиталистической экономике, что мы и сделаем ниже, а пока перейдём к теории – политико-экономическим размышлениям о природе планирования в XX в. и в начале нынешнего века.

4.2. Формирование отношений планирования в постсоветской России: предпосылки

Обращаясь к отечественным реалиям, мы должны заметить, что в нашей стране завершилось формирование олигархо-бюрократической модели позднего капитализма [полу] периферийного типа с претензиями на роль «периферийной империйки», о чем в последнее десятилетие писали многие отечественные учёные¹, а авторы этих строк развивают эти положения начиная с 1992 г. и до настоящего времени². В этих условиях интенции развития сознательного общественного регулирования у нас развивались (как и все остальные отношения в нашей стране) в *мутантных формах*. Если, ничего не изменяя в основах экономики – системе производственных отношений и оформляющих их институтов, начать сейчас внедрять в России планирование, то результат будет мало продуктивным, получится не намного лучше, чем с либеральным капитализмом, в общем, «как всегда».

справедливости) в сопоставлении с объёмом затрачиваемого на это (5) рабочего времени и (6) природных ресурсов).

¹ Такая характеристика природы нынешней экономической системы России дана, в частности, в работах Меньшикова, Цаголова и авторов этого текста. См., например: Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2008; Цаголов Г.Н. Модель для России. М.: Международные отношения, 2008.

² Политико-экономическая квалификация системы экономических отношений в современной России впервые была нами дана в серии наших статей в начале «шоковых реформ», а несколько позднее обобщена в книге «Переходная экономика» (см.: Бузгалин А.В. Переходная экономика. М.: Таурис, 1994). Последние результаты наших исследований представлены в серии статей 2014 года (см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 8; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 9; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 10).

Это касается, прежде всего, вопроса о реально возможном субъекте такого регулирования. Им станет нынешнее полуавторитарное, в значительной степени бюрократизированное и коррумпированное государство и создаваемые им органы, действующие малоэффективно, по преимуществу в интересах олигархо-бюрократических кланов, и широко использующие «ручное управление» и другие методы того, что авторы назвали *«теневым государственным регулированием»*¹.

Соответственно, главными сферами такого государственно-бюрократического регулирования станут военно-промышленный комплекс и некоторые наиболее престижные и важные для национальной безопасности сферы материального производства (космос, машиностроение, некоторые сферы сельского хозяйства). При этом экономика в целом будет по-прежнему базироваться преимущественно на сырьевых отраслях, а бюджет – на доходах от сырьевой ренты.

Что касается методов такого регулирования, то они, как мы уже отметили, будут не столько носить характер общественно-сформированных социально-экономических программ хотя бы среднесрочной дальности, сколько представлять из себя далеко не всегда согласованные разовые и мало прозрачные воздействия государственных органов высшего уровня на конкретных производителей, которые будут получать либо особые государственные преференции, либо угрозы ограничения деятельности, а скорее всего – и то, и другое. Все это будет осуществляться при сохранении во многом непрозрачной и то и дело изменяемой совокупности разнонаправленных налоговых, кредитных, внешнеторговых и т. п. регуляторов, нацеленных на реализацию интересов не столько общества в целом, сколько наиболее близких к тем или иным кланам лоббирующих структур.

Все это станет не более чем дальнейшим усилением теневого государственного регулирования, причём в формах не только коррупции, но и «ручного управления».

Можно ли считать этот сценарий более перспективным, нежели предлагаемую нашими оппонентами справа модель максимального сокращения всякого селективного регулирования и восстановления «честного и свободного рынка», который в силу своих собственных объективных законов якобы обеспечит развитие наиболее конкурентоспособного бизнеса и, тем самым, всей экономики?

Ответ предполагает два уточнения.

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 9.

Первое. Новое издание либерализации и приватизации в РФ будет не в меньшей мере деформировано коррупцией и феодальными пережитками, чем планирование. Это будет новый «шок без терапии», повторяющийся, как и всё в истории, в форме не только трагедии, но и фарса¹. «Свободный и честный рынок» у нас будет столь же деформирован, сколь и регулирование. Спецификация прав собственности и защита контрактов – дело для коррумпированного чиновника не менее прибыльное, чем косвенное регулирование. А уж то, что условия рыночной сделки могут существенно изменяться в зависимости от рыночной власти сторон, любой российский бизнесмен знает не только из учебника Экономикс.

Второе. Необходимо уточнить, что мы понимаем под оптимальным результатом. Если создание условий для максимально быстрого и эффективного получения прибыли капиталом, то, при всех минусах, мутации «либерального капитализма» предпочтительнее. Скорее всего, в этом случае российская экономика в целом постепенно уверенно займёт место одного из сырьевых экспортёров с позднекапиталистической экономикой периферийного типа. Ее экономическая и политическая «элита», равно как и составляющий 20% всех россиян «средний класс», получают ещё более полный доступ ко всем благам рыночной цивилизации и обеспечат себе устойчивое (насколько это вообще возможно в условиях современного «турбокапитализма»²) воспроизводство в её рамках.

Если смотреть на проблему с точки зрения единых для большинства из нас – граждан России – общественных интересов, то, опять же, при всех минусах олигархо-бюрократических мутаций, сценарий имитирующего планирование активного «ручного управления» олигархическими капиталами позволит в большей степени сохранить национальный суверенитет и начать какое-никакое восстановление отечественного реального несырьевого производства. Впрочем, и в этом случае для большинства граждан России мало что изменится к лучшему в таких базовых сферах, как образование, здравоохранение, социокультурное развитие, а «элита» и «средний класс», несколько изменив свой состав и конфигурации, сохранит все свои нынешние привилегии.

Так что вывод остаётся простым: и «свободный рынок», и планирование у нас будут равно деформированными, если...

¹ О неадекватности идей рыночного фундаментализма как идеологии реформирования постсоветской экономики в отечественной литературе писалось не раз, в том числе и авторами этого текста. Из круга работ, развивающих эти тезисы, опираясь на специфику российского социума, укажем в данном случае только две: Кульков В.М. Национальная экономика: российская модель. М.: Макс Пресс, 2008; Рязанов В.Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

² См.: Luttwak E. Turbo Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1998.

...Если не будут проведены те существенные изменения в наших институтах, экономической политике и, в конечном счёте – общественных отношениях, о которых мы писали выше, и в необходимости осуществления которых мы во многом солидарны с нашими либеральными оппонентами.

Суммируем: стратегически оба эволюционных варианта бесперспективны. Без качественных изменений, одним из важных (но не решающих) слагаемых которых является рассматривавшееся нами регулирование рыночной экономики, и [ограниченное] планирование как его важнейшее звено, существенный прогресс социально-экономической системы России маловероятен.

Если же мы сумеем провести хотя бы минимальные преобразования в социально-политической сфере, содействующие выдавливанию позднефеодальных и мутантно-капиталистических форм, с одной стороны, социализации экономики и демократизации политики – с другой, то развитие селективного планирования в смешанной рыночной экономике России может дать большие результаты.

Среди основных – выделение общественно-необходимых приоритетов развития (именно развития, а не просто роста ВВП) и концентрация при помощи названных выше средств ресурсов для их достижения.

Среди таких приоритетов – качественные структурные сдвиги в экономике в пользу высокотехнологичного материального производства, науки, образования и искусства, т. е. тех сфер, которые позволяют задействовать уникальный потенциал российского социума – креативность его членов. Именно этот потенциал сегодня отмечают в качестве главного ресурса развития нашей экономики самые широкие круги экспертов: от новых институционалистов¹ до постсоветских марксистов².

Какие конкретно шаги могут быть предприняты для реализации этого проекта авторы писали уже не раз, останавливаясь на вопросах не только планирования, но и реформирования отношений собственности, обеспечения социальной справедливости, воспроизводства и т. п. Именно в этих работах мы не случайно наши предложения в сфере стратегии опережающего развития и выращивания «экономики для человека» начинали

¹ См.: Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 1.

² См.: «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. Материалы Московского экономического форума / Под ред. Р.С. Гринберга, К.А. Бабкина, А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2014; Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013, и др.

с перечня тех шагов, которые в данном тексте мы обобщили и теоретически квалифицировали как «планирование».

Кратко суммируем сказанное в этих текстах.

4.3. Планирование в России: что, как и для чего? (вместо заключения)

Ответ на первые два вопроса может быть предельно коротким – сформировать те отношения планирования и, соответственно, их институты (т. е. и акторов, и «правила игры»), которые авторы в меру своих сил охарактеризовали в разделе 3. Это тем более будет правильно, что при написании текста этого раздела мы держали в уме именно нашу страну.

Ответ на последний вопрос, как ни странно, гораздо сложнее, ибо он предполагает решение социально-политической проблемы: *интересы каких политико-экономических сил должна реализовывать стратегия социально-экономического возрождения страны?*

Не углубляясь в эту (лежащую вне предмета данного текста) тему, подчеркнём: интересам трудящегося большинства россиян отвечает стратегия перехода от решения задачи минимум (выхода из стагнации) к реализации более сложных проектов – обновления *всей экономической системы с целью создания условий, позволяющих переориентировать её на реализацию эко-социо-гуманитарных приоритетов* (хотя бы в той мере, в какой это возможно в рамках социал-демократической модели позднего капитализма), а не просто экстенсивный рост.

Подчеркнём: для решения как тактических (преодоление стагнации и минимальная модернизация), так и стратегических реформационных задач *развитие планирования – условие необходимое, но далеко не достаточное*. Его должны сопровождать соответствующие реформы в области отношений собственности, распределения дохода, воспроизводства и др., направленные, намеренно повторим, на формирование в России *хотя бы* более прогрессивной, нежели нынешняя, олигархо-бюрократическая, модели позднего капитализма.

Обо всех этих реформах авторы писали уже не раз¹, поэтому укажем только на некоторые реперные точки сценария таких преобразований и покажем, почему для этого необходимо, в частности, планирование.

Речь идёт о стратегии, принципиально отличной не только от траектории «рыночного фундаментализма» (свободная конкуренция сама выстроит оптимальную структуру

¹ Выше мы уже привели ссылку на публикации наших коллег и авторов этого текста.

экономики), но и от консервативной модели реиндустриализации (восстановления массового промышленного производства).

То, что первый сценарий ведёт в тупик, мы убедились в 1990-е. Но и второй не намного лучше: Россия – не Китай. У нас все ещё более половины граждан – интеллигенция. Плохая ли, хорошая ли, но достаточно образованная, культурная, самостоятельно мыслящая. И модернизация нам нужна принципиально отличная от того, что делал Китай *30 лет назад, начиная* свой рывок. В России требуется не массовое сборочно-швейно-разливное производство, а приоритетное развитие человеческих качеств и новых технологий плюс решение застарелых и донельзя глубоких социальных и экологических проблем.

Для реализации таких приоритетов необходимы качественные подвижки в структуре общественного воспроизводства. Среди основных – приоритетное развитие уже названных сфер – высокотехнологичное производство и НИОКР, фундаментальная наука, образование, культура, здравоохранение. Один из уже известных путей решения задачи – целенаправленное развитие кластеров, интегрирующих крупные высокотехнологичные производственные комплексы с научно-образовательными центрами и с широким спектром открытых инновационных сетей, объединяющих «игроков» самого разного типа – от гениев-фрилансеров и студенческих КБ до малых частных предприятий и инновационных кооперативов¹. Сама по себе «невидимая рука рынка» в России – стране полупериферийного капитализма, где частный капитал ещё долго может паразитировать на природных ресурсах и относительно дешёвой рабочей силе – ещё долго не будет указывать в стороны *таких* приоритетов. Селективное планирование же, при всей его ограниченности, сможет хотя бы отчасти «перенаправить» эту указующую длань в нужном направлении, создав систему среднесрочных программ с чётко заданными целями и системой стабильных стимулов их реализации для частных фирм и обязательных к выполнению государственных заказов для предприятий общественного сектора. Остальная же часть экономики будет развиваться по-прежнему в рамках минимально регулируемой (в соответствии с мечтами монетаристов) рыночной среде.

Ну а что до экспертного мнения о сфере распространения селективного планирования, то на наш взгляд, в национальной экономической системе, ставящей задачу целенаправленно и упорно, на протяжении как минимум двух десятилетий, «выращивать» экономику, обеспечивающую близкие к лучшим мировым стандарты социального,

¹ См.: Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России. 2015. № 1. С. 7-22.

гуманитарного и научно-технического развития, система отношений планирования может и должна распространяться как минимум на большую часть образования (включая воспитание), здравоохранения, культуры, рекреации природы и общества, научно-технического развития, эксплуатации природных ресурсов, инфраструктуры, обороны, нескольких крупных международных высокотехнологичных проектов (например, аэрокосмических).

Литература

- Абалкин Л.И., Штыбер В., Надь Т. Хозяйственный расчёт в социалистической экономике: Из опыта стран СЭВ. М.: Мысль, 1976.
- Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006.
- Андрюшкевич О.А. Индикативное планирование в экономиках разного типа // Капитал страны: федеральное интернет-издание. 23.01.2012. Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/199716/>.
- Анчишкин А.И. Планирование народного хозяйства. М.: Изд-во МГУ, 1989.
- Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 1.
- Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М.: ГазОйл пресс, 1996.
- Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.: Мысль, 1987.
- Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Индикаторы устойчивого развития // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общей редакцией С.Н. Бобылева. М., 2013. С. 175-187.
- Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства // Экономическое возрождение России. 2014. № 2.
- Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России. 2015. № 1. С. 7–22.
- Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.
- Бузгалин А.В. Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Бузгалин А.В. Переходная экономика. М.: Таурус, 1994.
- Бузгалин А.В. Будущее скандинавской модели (новый проект социально-ориентированного развития) // Альтернативы. 2011. №1. С. 4-16.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планомерность в системе экономических отношений социализма. М.: Изд-во Московского университета, 1983.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социально-экономические корни и противоречия бюрократизма. М.: ИЭ АН СССР, 1987.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // Вопросы экономики. 2004. № 3.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 8.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 9.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 10.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и её пределы («Капитал» re-loaded). Издание 5-е. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Бузгалин А., Колганов А., Шухтин А. Становление планомерной организации социалистического производства. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1985.

Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.

Гринберг Р.С. Возвращение политической экономии (о книге А. Бузгалина и А. Колганова «Пределы капитала: методология и онтология») // Вопросы экономики. 2010. № 11.

Гринберг Р.С. Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.

Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2014.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969.

Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовёт Россию? М.: Алгоритм, 2012.

Дзарасов С.С. Роль прибыли в совершенствовании управления производством. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.

Дзарасов С.С. Экономические методы управления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013.

Иголина Л.Л. Финансовые аспекты модернизации российской экономики: оценка значимых детерминант / Стратегия опережающего развития - III. Том I. Российская модернизация: диагнозы и прогнозы / Под общ. ред. А.В. Бузгалина, Р. Крумма. М.: ЛЕНАНД, 2011.

Ильенков Э. В. Диалектическая логика. (1-е изд. - М., 1974; 2-е изд. - М., 1984).

Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Издательство АН СССР, 1960.

Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 323).

Иноземцев В. Великая ложь // Свободная мысль. 2010. № 2.

Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Статьи и современный комментарий / Сост. Э.Б. Корицкий. Л.: Лениздат, 1989.

Кинэн М. Форсайт приходит в Россию // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 6–7.

Клейнер Г.Б. Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // Вопросы экономики. 2013. № 10.

Клейнер Г.Б. Стратегическое планирование: основы системного подхода // Модернизация экономики и общественное развитие: В 3 кн. Кн. 2. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008.

Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М.: Экономика, 1990.

Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1.

Колганов А.И., Бузгалин А.В. Экономическая компаративистика. М., 2020 (1-е изд. - М., 2005).

Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

Кржижановский Г.М. Товарообмен и плановая работа. М., 1924; Кржижановский, Г.М. К теории и практике планирования народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1925. № 3.

Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. М.: Экономика, 2008.

Куликов В.В. К вопросу об исходном и основном отношениях социализма. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.

Куликов В.В. Становление системы социалистических производственных отношений (Вопросы теории и методологии): Автореферат дис. на соискание учёной степени доктора экономических наук. М., 1976.

Куликов В.В. Экономические противоречия социализма: характер и формы разрешения. М.: Экономика, 1986.

Кульков В.М. Национальная экономика: российская модель. М.: Макс Пресс, 2008.

Курс политической экономии. В 2-х томах. Т. I. Досоциалистические способы производства / Под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.: Экономика, 1973.

Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34.

Межуев В.М. Социализм как пространство культуры // Альтернативы. 1999. № 2.

Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2008.

Морозова Н.И. Индикативное планирование: теоретический и практический опыт развитых стран // Управление экономическими системами. 2011. № 4. Режим доступа: <http://www.uecs.ru/uecs-28-282011/item/402-2011-04-25-08-47-52>.

Нуреев Р.М. Курс микроэкономики. М.: Норма, 2005. С. 60-66).

Политэкономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М.: УРСС, 2013.

Полный хозяйственный расчёт: теория, практика, проблемы / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: Экономика, 1989.

Полтерович В.М. Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7.

Пороховский А.А. Ключевые принципы рыночного развития: двадцать лет в России // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.

Посель-Коновалова И. Возрождение планирования в контексте глобализации // Мировая экономика на пороге нового тысячелетия: доклады участников международной научно-практической конференции / Санкт-Петербургский государственный университет (1 марта 2003 г) / Под ред. С.Ф. Сутырина и Н.П. Кузнецовой. СПб.: ОЦЭиМ, 2003. С. 84-97.

Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Раквиашвили А.А. Либерализм. Эволюция идей. М.: Ленанд, 2010.

Рязанов В.Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

Рязанов В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // Экономическое возрождение России. 2014. № 2. С. 17–25.

Слепаков С.С. Самоутверждение России: социально-экономический контекст // Философия хозяйства. 2012. № 1.

Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1.

Сорокин Д.Е. Приоритетность национально-государственного интереса // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального

сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.

Сравнительный анализ экономических систем: Россия, США и Финляндия в зеркале социально-экономической статистики / Под редакцией А.В. Бузгалина и А.Ю. Низовцева. М., 2014.

СССР: незавершённый проект / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ЛЕНАНД, 2012.

Струмилин С.Г. К теории планирования // Плановое хозяйство. 1928. № 11; Струмилин С.Г. На плановом фронте // Струмилин С.Г. Избран. соч. в 5 т. Т. 2. М.: Наука, 1963.

Тамбовцев В. Общественные блага и общественные интересы: есть ли связь? // Вопросы экономики. 2014. № 11.

Тапскотт Д., Вильямс Э. Викиномика: Как массовое сотрудничество изменяет все. М., 2009

Тарасевич В.Н. Государственный капитализм и развитие национальной экономики // Вопросы политической экономии. 2015. № 1).

Татаркин А.И. Промышленная политика как основа системной модернизации России // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.

Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. с. 69–84.

Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004.

Тимонина И.Л. Долгосрочная экономическая стратегия Японии и интеграционные процессы в Восточной Азии // Российский японоведческий журнал. 2011. № 2.

Тоффлер Э. Революционное богатство. М.: АСТ, 2008.

Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.

Хессин Н.В. Планомерность как экономическая клеточка социализма // Вопросы экономики. 1964. № 6.

Хессин Н.В. Понятие «клеточка» и его методологическое значение // Вопросы экономики. 1964. № 7.

Хессин Н.В. В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Изд-во МГУ, 1968.

Хессин Н.В. Об историко-генетическом подходе к исследованию системы производственных отношений социализма // Экономические науки. 1975. № 6.

Хлынов В. Общегосударственное планирование рыночной экономики: опыт Японии // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 8.

Хозрасчёт, самофинансирование, самоуправление / Под ред. П. Г. Бунича. М.: Экономика, 1989.

Цаголов Г.Н. Как преодолеть либеральный застой // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.

Цаголов Г.Н. Модель для России. М.: Международные отношения, 2008.

Швырков Ю.М. Государственное индикативное планирование: теория, история, современная практика (российский и зарубежный опыт). М.: Проспект, 2007.

Шипаев В.И. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986.

Шухов А.С., Фрейдлин М.П. Математическая экономия в России (1885 – 1995). М.: Наука, 1996.

«Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. Материалы Московского экономического форума / Под ред. Р.С. Гринберга, К.А. Бабкина, А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2014.

Янченко С.Е. Переходные формы производственных отношений. Минск: Изд-во БГУ, 1974.

Яременко Ю.В. Прогнозы развития народного хозяйства и варианты экономической политики. М.: Наука, 1997.

Albert, M. *Parecon: Life after Capitalism*. London and New York: Verso, 2003; Albert, M., and R. Hahnel. In *Defense of Participatory Economics* // 2002. *Science and Society*. Vol. 66. № 1. P. 7-21.

Albert, M., and R. Hahnel. *Participatory Planning* // *Science and Society*. 1992. Vol. 56. № 1. P. 39-59.

Balassa B. *Indicative planning in developing countries* // *Journal of Comparative Economics*. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 560-574.

Black J. *The Theory of Indicative Planning* // *Oxford Economic Papers, New Series*. 1968. Vol. 20, No. 3. P. 303-319.

Brabham D. *Crowdsourcing as a model for problem solving: leveraging the collective intelligence of online communities for public good: PhD Thesis*. Salt Lake City: University of Utah, 2010.

Cazes B. *Indicative Planning in France* // *Journal of Comparative Economics*. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 607-619.

Cohen S. S. *Modern Capitalist Planning: The French Model*. Berkeley: University of California Press, 1977.

Devine P. *Democracy and Economic Planning: The Political Economy of a Self-Governing Society*. Boulder, CO: Westview Press, 1988.

Devine P. *Designing Socialism: Visions, Projections, Models – Question 3: Incentives and Consciousness* // *Science and Society*. 2012. Vol.76. Issue 2. P. 215-218.

Devine P. *Participatory Planning through Negotiated Coordination* // *Science and Society*. 2002. Vol. 66. Issue 1. P. 72-85.

Economic Freedom of the World: 2014 Annual Report / James Gwartney, Robert Lawson & Joshua Hall. Fraser Institute, 2014.

Estrin, Saul, and Peter Holmes. *French Planning in Theory and Practice*. London, 1983.

Freedom in the World 2014. Freedom House, 2014.

Gomez-Ramirez L. *On Theories of a Democratic Planned Economy and the Coevolution of “Pro-democratic Planning” Preferences* // *International Critical Thought*. 2014. Vol. 4. No. 2. P. 178-197.

Hahnel R. *Of the People, by the People: The Case for a Participatory Economy*. Soapbox Press, Oakland, CA, 2012.

Hahnel R. *Economic Justice and Democracy: From Competition to Cooperation*. New York: Routledge, 2005.

Human Development Report 2010: The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development. UNDP, 2010.

Inclusive Wealth Report 2012. Measuring progress toward sustainability. Cambridge University Press, 2012.

Jameson F. *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, Duke University Press, 1991.

- Kalecki M. Selected Essays on the Dynamics of the Capitalist Economy 1933 – 1970. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Kindleberger Ch. P. French Planning. NBER, 1965.
- Kuznets P. Indicative planning in Korea // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 657-676.
- Laibman D. Horizontalism and Idealism in Socialist Imagination: An Appraisal of the Participatory Economy. Science and Society. 2014. Vol. 78. No. 2. P. 207-234.
- Laibman D. Democratic Coordination: Towards a Working Socialism for the New Century // Science and Society. 2002. Vol. 66. No. 1. P. 116-129.
- Laibman D. Incentive Design, Iterative Planning and Local Knowledge in a Maturing Socialist Economy // International Critical Thought. 2011. Vol.1. Issue 1. P. 35-56.
- Luttwak E. Turbo Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1998.
- Madden T. Empires of Trust. How Rome Built – and America is Building – a New World. N.Y.–L.: Penguin Press, 2009.
- Mandel E. Late Capitalism. London: Humanities Press, 1975.
- Moriguchi Ch. Japan's Recent Experiences of Quantitative Economic Planning // Revue économique, Vol. 31, No. 5, Le VIIIème plan (Sep., 1980).
- Orru M. Dirigiste Capitalism in France and South Korea // The Economic Organization of East Asian Capitalism / Eds. Marco Orru, Nicole Woolsey Biggart, Gary Hamilton. SAGE, 1997.
- Perspectives on Free and Open Source Soft ware / edit. Feller J., Fitzgerald B., Hissam S., Lakhani K. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2007.
- Rosser J. B., Rosser M. V. Whither indicative planning, the case of France // Comparative Economics in a Transforming World Economy. 2004. P. 179-201.
- Sato K. Indicative Planning in Japan // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14, No. 4.
- The state after statism: New state activities in the age of liberalization / J. Levy (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.
- Tapscott D., Williams A. Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. N.Y.: Penguin, 2007.